

РУССКИЙ ШАНСОН

Владимир

КОЛЫЧЕВ

*Не жди меня, мама,
хорошего сына*

Владимир Григорьевич Колычев
Не жди меня, мама,
хорошего сына
Серия «Мент в законе», книга 11

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165823
Не жди меня, мама, хорошего сына: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28525-9

Аннотация

В одной комнате – труп, в другой – сейф с золотом и драгоценными камнями. Оперу Степану Круче сразу ясно, что золотишко принадлежит бандитскому авторитету Битку. Но тот отпирается: и труп – не моих рук дело, и золото не мое. Но Круча уверен: Биток промышляет контрабандой презренного металла с сибирских приисков. А труп принадлежит хозяину квартиры, подельнику Битка. Кто же его замочил? Может, крутой авторитет Сафрон, который хочет прибрать к рукам «золотую жилу»? Вот и разберись, Степан, кто самый алчный из бандитов...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	61
Глава 5	81
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Колычев

Не жди меня, мама, хорошего сына

Часть первая

Глава 1

Параллельные миры существуют. Сеня Балабакин убедился в том, оказавшись в камере временного задержания. Каких-то десять-пятнадцать минут назад он освежался кофеечком в элитном баре, обольщал случайную знакомую, фееричную милашку с пухлыми губками, и вдруг пассаж – опера из угрозыска, наручники, телепортация в сером «уазике» из яркой иллюзии в мрачную реальность отдела милиции.

Дежурный сержант не деликатничал – втолкнул Сеню в камеру, с шумом закрыл решетчатую дверь. Мир сузился до размеров грязной каталажки, населенной живыми существами.

Их было трое. Кривоносый, наголо бритый персонаж в спортивных брюках с полоской и рваной черной майке-бор-

цовке; рельефные плечи сплошь в татуировках – густой раскраски кресты, черепа, женские прелести; пальцы в чернильных перстнях, на шее толстая латунная цепь. Он сидел, на восточный манер подобрал под себя ноги; руки уперты в колени, локти широко разведены. Взгляд мутный, тусклый, безразличный. Зрачки суженные, щеки впалые и бледные, на локтевых сгибах следы от инъекций. Уголовник плюс наркоман со стажем, подумал Сеня... Второй обитатель камеры смотрел на новичка более живо и с интересом. Косматые волосы, лохматая одежда: широкие штаны, мешковатая майка с номером, блинг-блинг – серебряная цепь с кулоном в виде долларового знака. Широкий выпуклый лоб, скальным выступом нависший над беспокойными глазами, клубневый нос – крупный, рыхлый, с серым оттенком, рот наискосок. Похож на рэпера... Третий – квелый очкарик с рахитичной головой; волосы жиденькие, но длинные, стянутые на затылке резинкой. Правое ухо пунцово-красное, щека под ним расцарапана, губа разбита, светлая в полоску рубашка грязная, карман оторван – видно, что досталось ему порядком. Но парень не унывал. Он смотрел на Сеню гонористо; губы его кривились в насмешливой ухмылке... «Типичный компьютерный червь...»

– Ку! – гулко ухнул он.

– Не понял? – Сеня удивленно приподнял брови.

– Кисакуку, киса, ты с какова города?

Рэпер крутнул пальцем у виска, глянув на очкарика. И

махнул рукой новичку – похоже, в знак приветствия.

– Yo dude!

– Сам ты угод! – нахраписто выдал Сеня.

Уголовник прыснул, провел рукой по животу. Но не обронил ни слова: молча проглотил смешинку.

– Да не угод... – скривился рэпер. – Это я поздоровался с тобой.

– И я, – кивнул очкарик.

Он уже не гоношился. Сеня показал зубы и этим стер с него спесивый налет.

– Что – ты?

– Поздоровался.

– С кем?

– С тобой.

– Ты идиот?

– Ф топку!

– Значит, идиот...

– Я с него угораю! – широко улыбнулся рэпер. – Кору мочит, ваще!.. Сакс, короче!

– Выпей йаду, сцука! – огрызнулся очкарик.

– Я те ща набуцкаю, чмо!

Рэпер вскочил со своего места, сжимая кулаки, но уголовник осадил его.

– Ша! Не вмачивай рога, баклан!.. И ты, чертила очкастая, будешь пургу мести, я тебе шнифты выкручу!

Выплеснув эмоции, уголовник затих – спиной откинулся

к стене, закинул руки за голову, закрыл глаза. Успокоились и остальные. Рэпер вернулся на место, опустил голову, разглядывая долларový знак на цепи. Очкарик молча теребил подол своей рубахи.

На Сеню никто не смотрел. Да он и не нуждался ни в чьем внимании. Он с горечью думал о том, что, возможно, свобода потеряна для него навсегда. И если так, то матерые уголовники с их устрашающим жаргоном станут для него чудовищной повседневностью...

* * *

Майор Комов не был уверен в том, что теща – друг человека. Сосуществовал он с матерью своей жены относительно мирно, но иногда подмывало поцеловать вагон, в котором она уезжала домой. Но, похоже, Алевтина Михайловна застряла в Битове надолго: один автолихач познакомил ее с бампером своей машины, после чего женщина отправилась на больничную койку с черепно-мозговой травмой и переломом ноги.

Лихач удрал с места происшествия. Розыском преступника занялись в ГИБДД, но и Федот Комов не бездействовал, подключил к делу своих сыскарей из уголовного розыска – общими усилиями злодей был доставлен в отдел внутренних дел города Битово. Им оказался молодой человек, владелец автомобиля «Ниссан». Балабакин Арсений Викторович.

Задержанного доставили в кабинет, но Комов как будто и не замечал этого; суровый и невозмутимый, он наводил порядок на своем рабочем столе, раскладывал скопившиеся на нем папки с делами по ящикам. Парень ждал недолго – пожал плечами, выдвинул стул из-за приставного стола, сел.

– А вот это ты зря, – немедленно среагировал Комов. – Сесть тебе никто не предлагал... Но раз ты настаиваешь, будешь сидеть.

Парень прытко встал со стула, вытянулся в струнку.

– Что, не хочешь сидеть? – сурово спросил Федот.

– Нет, – потерянно мотнул головой парень.

Ему было двадцать четыре года. Среднего роста, худощавый, но мускулистый. Ухоженные волосы, стильная бородка а-ля Арамис. Желтая стрейч-майка облегла поджарый торс, обнажая загорелые жилистые руки. Бейсболка задом наперед, сильно вываренные и усаженные джинсы, кроссовки на высокой подошве. Лицо узкое, вытянутое вперед, широко расставленные маленькие глаза; нос костистый, длинный, с горбинкой – признак гордости. Брови клинообразные, изломанные – показатель авантюризма, – но в то же время высоко поднятые, что присуще людям пытливым, ищущей натуры... Самолюбивый, целеустремленный прохиндей?

– Не любишь ты мою тещу, парень, – издалека начал Комов.

Балабакин огорошенно моргнул.

– При чем здесь ваша теща?

– При том, парень, что нет у меня больше тещи. Ты ее убил. Насмерть сбил на своей машине.

– Я?! Я никого не убивал! – возопил парень. И проговорился: – Она же в травме...

– Кто в травме?

– Ну, теща... Женщина, которую...

– Которую ты сбил?

– Э-э... Я никого... Нет, не сбивал... Никого...

Балабакин говорил сбивчиво, спотыкался на каждом слове. От волнения. Оттого что врал...

– «Ниссан», госномер «триста тридцать три», две тысячи второго года выпуска, оранжевый металлик – твоя машина?

– Да, машина.

– Что, машина?

– Да, моя машина... У меня ее угнали... Да, угнали какие-то сволочи, в тот день, когда женщину сбили, – бодрой скороговоркой изложил парень.

Одно это быстрословие показалось Комову подозрительным. Не говоря уже о том, что Балабакин снова проговорился.

– А когда ее сбили?

– Ну, три дня назад... Э-э, второго июля...

Парень говорил правду, но почему-то слова вязнут в голосовых связках.

– И откуда ты знаешь, что второго июля? Откуда ты знаешь, что женщина в травме?... И машину ты в угон не пода-

вал. И нашли ее возле твоего дома... Хватит отпираться, Балабакин!

Сеня горестно вздохнул, с вороватым кокетством потупил глазки.

– Кто угнал у тебя машину? – жестко и бескомпромиссно спросил Комов.

– Никто, – четко сказал парень.

– Кто сбил женщину?

– Я.

– И как это произошло?

– Как произошло? Просто и быстро. Ехал домой к родителям, из Москвы, очень спешил, на перекрестке светофор, загорелся желтый, думал, проскочу, а не получилось. Ей бы постоять чуть-чуть, а она поперлась. Голова опущена, взгляд по зебре тащится, ну ей-бо, как та корова!.. Извините, товарищ... не знаю, как вас по званию...

– Гражданин начальник, – с хмурым видом подсказал Федот.

Балабакин признал свою вину – будет составлен протокол допроса, затем представление на возбуждение уголовного дела, чуть позже следователь предъявит обвинение. И все это время парень проведет в изоляторе временного содержания...

– Гражданин начальник?! Я что, уже арестован? – сконфузился Сеня.

– Почти, – не стал разубеждать его Комов.

– Но так нельзя. Ведь я не виноват, я ехал на желтый свет! Ну, не проскочил! Ну, не повезло!..

– Повезло. Еще как повезло – прямо на гражданку Вихареву... Это уголовная ответственность, Балабакин. Это три-четыре года лишения свободы... По зебре, говоришь, взгляд тащился...

– Да, по зебре, по пешеходной. Метафора, иносказание. Ваша теща под ноги не смотрела...

– Зачем ей под ноги смотреть? Она в сторону смотрела, откуда машина твоя появилась. Не успела она в сторону отскочить, извини...

– Да ладно! – безалаберно махнул рукой Балабакин.

– Что? – охлаждающе глянул на него Комов.

– Э-э, понимаю, это я должен извиняться...

– Поздно извиняться.

– Э-э, товарищ... гражданин начальник... Ну, может, как-то вопрос этот решим. С деньгами у меня сейчас туговато, проект не пошел, долгов много, кредиторы донимают, все такое прочее... – снова затараторил Балабакин.

– Мне до твоих денег дела нет, – внушительно сказал Комов. – И если думаешь про взятку, забудь. Не стоит усугублять вину...

– А что можно сделать? – умоляюще смотрел на него Сеня.

– Ничего. Будешь отвечать по всей строгости закона...

Не нравился Федоту этот парень, очень не нравился. Надо

бы с ним еще поработать... Он вызвал конвой и отправил его в камеру.

* * *

Уголовника в каталажке не было. Сеня спросил, где он.

– Увели, – ответил рэпер.

Звали его Миша. Неплохой парень, если разобраться, только слишком крученный.

– Оцилопы на пинках увели.

– Кто?

– Ну ты нибумбук! – удивленно посмотрел на Сеню очкарик. – Оцилопы – это ж сцуки палиццаи!

– Да ты не висни, не надо. Оцилопы – это менты... – пояснил Миша. – Не вписался пацан в поворот...

– Я тоже не вписался, – уныло кивнул Балабакин.

– Чего?

– Да так... Слушай, а ты реально рэп слушаешь?

– Рэп не слушают, рэп читают... Ямбы не в почете, хип-хоп на взлете, я реальный пацан, качу телегу, по кругу, йо!.. Ну, телега – это речитатив, по ходу...

– Нибацца! Уппей себя абстену! – подленько хихикнул очкарик.

– Закрой варежку, очкур! – огрызнулся рэпер.

– Да не забивайся ты на него, – одернул его Сеня. – Поверь, он того не стоит... Ты мне скажи, у тебя бабосы есть?

– Бабосы схавали барбосы! Я на мели, чувак... А что такое? – в ожидании подвоха, но заинтригованно спросил Миша.

– Да вариант один есть. Ты телеги катишь, а я музыку пишу.

– Не понял.

– Композитор я.

– Да ты че! В реале?

– А я похож на клоуна, чтобы шутить?.. Мои песни на «Европе» крутятся...

– Да ну! Какие?

– Да такие...

Балабакин напел пару композиций, от чего Миша благоговейно захмелел.

– Рулез! А не гонишь?

Сеня не врал. Он действительно сочинял музыку и тексты к ней. Четыреста восемьдесят восемь композиций. Правда, востребованными из них оказалось только семнадцать, четыре из которых смело можно было назвать хитами. Больших денег на них не заработал, но «респект» и «уважуху» приобрел. Со временем у него появились богатые заказчики, но вдохновение вдруг ухнуло в яму творческой пустоты. Песни он кропал десятками, но ни одна из них не была озвучена. Словом, полный отстой... Но совсем недавно Сению окрылило, и он создал настоящий шлягер, обреченный, по его мнению, обретаться на верхних строчках российских

чартов. Муза пришла к нему в момент наивысшего отчаяния, когда, казалось, мир обрушился в тартарары. Может, потому ее поцелуй был таким горячим и проникновенным...

– Да нет, брат... Я не вру. Правда это... Можешь не сомневаться...

Сеня давно уже заметил за собой одну странность. Он не волновался, когда говорил правду, но мог при этом говорить сбивчиво, даже косноязычно. А когда он врал, душа наполнялась смутой, но слова из груди выскакивали бойко, одно за другим, и язык чеканил звуки на редкость внятно, идиомы и метафоры вкручивались в текст без мозговых усилий.

– Ну, может, и не вправляешь. Но это же попса, – заметил Миша.

– Без поповых прошивок твой рэп – труха.

– Ну да, телегу смазывать надо... Может, намурлыкаешь, я послушаю.

– Послушаешь. И запомнишь. А рулада мировая, отвечаю. Абсолютный хит.

– Да ладно, хит... И сколько ты просишь?

– Много. Пятьдесят тысяч евро.

Миша потрясенно посмотрел на очкарика.

– У тебя йаду нету?

– Есть. Пятьдесят тысяч за каплю.

– Стебаетесь?

– Он – да, я – нет, – лаконично сказал Сеня.

– Откуда столько бабосов?

Балабакин пожал плечами. Его дело предложить...

– Не, я такую мазу...

Рэпер не договорил. К решетке подошел прапорщик из дежурной части.

– Балабакин!

И снова Сеню повели на второй этаж, в отдел уголовного розыска. Все тот же кабинет начальника, но в этот раз его занимал другой офицер, такой же внушительно-могучий, как первый, но не в штатском, а в форме; ухоженный, начищенный, наглаженный, с большими звездами на погонах.

– Ну, и чего робеешь, парень? – усмехнулся он, рукой показал на стул за приставным столом.

Взгляд у него добродушный, но въедливо-тяжелый. На какой-то миг Сеня вдруг ощутил себя овощем, который посадили в кадушку, посолили, накрыли крышкой с каменным гнетом... «Как бы сок не пустить...»

– Подполковник Круча. Начальник ОВД «Битово».

Балабакину и вовсе стало не по себе. Что ж он такое совершил, если сам начальник отдела внутренних дел за него взялся?..

– Рассказывай.

Голос у подполковника густой. Баритон, стремящийся к нижним, басовым нотам; звучание мягкое, укачивающее.

– Что рассказывать? – подавленно спросил Сеня.

– Как женщину сбил, расскажи.

– А-а, это...

– У тебя еще что есть рассказать?

– Да нет, нормально все, никаких эксцессов, все, как говорится, шито-крыто! – стараясь скрыть свой испуг, отбарабанил задержанный.

– Шито-крыто, говоришь... А женщину зачем сбил?

– Торопился очень. Красный свет прозевал.

– Куда торопился?

– К девушке, конечно... Если бы вы знали, какая у меня девушка здесь, в Битове, вы бы меня поняли и простили...

– Я тебя и так простил, но закон не позволяет, – усмехнулся подполковник. – А что за девушка?

– Стелла зовут! Золотые волосы, бриллиантовые глаза, рубиновые губы, одним словом, сокровище. Такая любовь, гражданин начальник, такая любовь...

– Девушка у тебя здесь, говоришь, в Битове. А сам ты откуда?

– Ну, из Битова... Родители у меня здесь. Мать, отец... Но живу я в Москве... То есть жил...

– Чего так?

– Финансовые проблемы.

– С кем не бывает.

– Вот и я говорю, что за черной полосой следует белая, – оживился Сеня. – Пройдет печаль, наступит радость, все будет в шоколаде...

– Врешь, – усмехнулся Круча.

– Почему? – забеспокоился парень.

– Слишком гладко стелешь. Да и в тюрьме не может быть белой полосы. Там все в клеточку, без голубой каемочки... Или ты думаешь, что тебе путевку в санаторий за лихость твою гусарскую выпишут?

– Нет, – сник Сеня.

– А что за проблемы, говоришь?

– Да так...

– Финансовые, да?

– Ну да.

– А родители могли денег занять?

– Да нет, они сами без денег сидят. Сестра с мужем работают, но у них снега зимой не допросишься.

– А у кого одолжить можно?

– Ну, есть один человек, одноклассник мой, Петька Воронецкий, у него здесь бизнес небольшой, я его в свое время со знаменитостями знакомил, он у меня в долгу...

Сеню снова понесло, он и сам это понял, и Круча заметил.

– Тпрр! – осадил его подполковник. – Что-то ты разошелся. Скажи просто, что к однокласснику ехал, я пойму.

– К однокласснику ехал.

– Торопился очень.

– Торопился, – заворуженно повторял Балабакин.

– Не заметил, что красный свет горит.

– Не заметил.

– И женщину тоже не заметил.

– Был грех, гражданин начальник...

– Ясно. Что туману ты нагнал, ясно! – резко сказал Круча.

Он уже не просто смотрел на Сеню, он тянул из него душу, вместе с подпорками, на которых держалась часть подсознания, создающая ложные образы. Балабакину вдруг показалось, что нет в нем больше способности врать...

– Майору Комову ты рассказывал, что спешил к родителям и ехал на желтый свет, – продолжал давить на него подполковник. – Для меня ты сочинил другую сказку – ехал к Стелле да на красный свет. Потом ты поехал к однокласснику... Плести ты умеешь, Балабакин, но не знаешь, к чему привязать свое вранье.

– Ну почему не знаю, – замялся Сеня.

– Знаешь, к чему свое вранье привязать? – усмехнулся Круча.

– Да не вранье...

– Кто сбил гражданку Вихареву?

– Я!

– Еще раз спрашиваю, кто?

– Я.

– Спрашиваю еще раз!

– Не знаю...

– Только не говори, что машина была в угоне...

– Не скажу...

– Тогда кто сбил женщину?

– Не скажу...

– Ну, тогда на этом и закончим. Сейчас отправишься в

изолятор временного содержания. Извини, мест свободных нет, есть только в камере с бомжами. Но это не страшно. Страшной, когда ты в следственный изолятор попадешь... Парень ты стильный, как сейчас таких называют, подскажи. Метросексуалы?

– Э-э, да... – сконфуженно кивнул Сеня.

Как представитель музыкального бомонда, он тщательно заботился о своей внешности по мере возможности, посещал салоны красоты, следовал моде. Конечно же, он считал себя утонченной натурой...

– Метросексуал и гомосексуал – не совсем одно и то же, – продолжал Круча. – Но, поверь, в тюрьме в такие тонкости не вникают... Или тебе нравится мыло с пола поднимать?

– Не-ет! – в панике затрясся Балабакин.

– А будет, парень. Все будет, если ты за ум не возьмешься... Тебя будут топтать, тебя будут растирать по полу как плевков, ты будешь думать о том, как поскорее покончить с собой, а загробный ад будет казаться тебе раем...

Подполковник говорил на редкость убедительно, ужас в его словах был настолько осязаемым, что Сеня схватился за стул, с силой прижимая его к своему сидению. Он не хотел поднимать мыло в тюремной бане...

– Я и так потратил на тебя много времени, – с сожалением сказал Круча. – Ценности ты никакой не представляешь, хочешь сгинуть в тюрьме – твое право. Сейчас тебя отправят в изолятор, а послезавтра предъявят обвинение...

Он взял трубку темно-серого телефона без набора номера, приложил ее к уху.

– Сорокин, Балабакина в предвариловку!

– Не надо! – еще крепче прижимая к себе стул, прорыдал Сеня. – Я все скажу!

– У тебя всего две минуты времени, – с пугающим безразличием сказал подполковник. – Пока за тобой идут.

– Это не я женщину сбил! Не я!

– Если врешь, постарайся сделать это убедительно.

– Я не вру... Не я в машине был... И машина не моя...

– Как не твоя, если на тебя зарегистрирована?

Балабакин не врал, он сильно волновался, поэтому Круче приходилось вытягивать из него слова.

– Де-юре моя, а де-факто у меня ее отобрали. За долги.

– Кто?

– Это долгая история...

– Ну, если долгая, то я пойду. Рад был познакомиться, Балабакин.

– Постойте!

Сеня уже догадался, что никто не сможет помочь ему, кроме подполковника Кручи. Начальнику ОВД не нужны липовые галочки в отчетности раскрытых преступлений, его интересует истина...

– Василий его зовут. Фамилию не знаю. Кличку тоже...

– А что, кличка есть? – заинтригованно спросил подполковник.

– Ну, я думаю, что должна... Это же братва, там у них у всех должны быть клички.

– Где братва, в Битове или в Москве?

– Здесь, в Битове. Казино «Пьедестал».

Дверь приоткрылась, показалось лицо дежурного милиционера, но Круча небрежно махнул ему рукой, отсылая назад. Он основательно устроился в кресле, приготовился слушать всерьез и внимательно.

– И что тебя связывает с этим казино? – спросил он изда- лека, но с прицелом на финал.

– Я композитор, музыку там пишу, для большой эстрады. Сейчас у меня творческий простой, денег нет... Квартиру я в Москве снимал, пришлось сдать. К родителям вернулся... Без копыа, на мели. Тоска...

– Дальше что?

– Ну, здесь Стеллу встретил. Я с ней раньше крутил, все такое... В общем, она сказала, что у нас казино крутое от- крылось, «Пьедестал». Ну я и без нее знал, что там бомба. Слышал, вернее... Битово сейчас в цене, сами знаете...

– В цене, в цене, – кивнул Круча.

– В общем, Стелла сказала, что на днях там один парень денег много поднял. Ну, джекпот, говорит, сорвал...

– И ты клюнул.

– Ну да, повелся. Я же человек азартный, играть люблю. Есть грех такой...

– И много выигрывал?

– Ну, как попрет... Машину вот свою в казино выиграл, пару лет назад.

– Это в прошлом, а что в настоящем?

– А в настоящем Стелла сказала, что машину в залог сдать можно. Она в «Пьедестале» танцевала, она знает...

– Кому отдал машину?

– Ну этому, Василию, он там при казино ломбардом заведует, что-то вроде того... Он мне денег дал, а я доверенность на него составил. Стандартную, без нотариуса... Он сказал, что такая доверенность липа, но ему все равно. Сказал, что горько пожалею, если машину обратно забрать захочу. Как будто знал, что я проиграю...

– И что?

– Проигрался. В пух и прах. Еще и денег занял...

– У кого?

– У Стеллы... Знал же, что Стелла с этим Васей вась-вась, а нет, дернул черт... Короче, я у нее двадцать тысяч рублевых взял. И все спустил к чертям. И машину потерял, и еще двадцать тысяч остался должен... Если б только двадцать. Она Васю позвала, а тот мне сто тысяч отвалил, тоже в рублевых... И это все ушло... А через два дня Стелла ко мне подъехала, сказала, что Вася меня к себе зовет. Мы поехали. Он мне сразу в лоб – деньги где?.. А где деньги? Нет денег... В общем, сказал, что за каждый день просрочки десять тысяч. Я понял, что попал... А потом у него вдруг вариант появился. И машину, говорит, обратно получу, и долг мне про-

стит... Сказал, что человека на этой машине сбили. Сказал, что менты не видели, кто за рулем был...

– Давай быстрее, не тяни резину.

– В общем, говорит, бери вину на себя. Женщина в травме, жить будет. Сказал, что судимости у меня нет, поэтому дадут условный срок. Нервы потреплют, но ничего страшного...

– И ты поверил?

– Ну да.

– Значит, не ты женщину сбил.

– Говорю же, нет.

– А кто?

– Так это, Василий, из «Пьедестала».

– Он тебе говорил, что женщину сбил именно он?

– Нет. Но я так понял, что он...

– Ты видел, как он женщину сбивал?

– Нет... Но машину же он мне вернул...

– М-да, нагородил ты огород... Ладно, давай с самого начала. Но не со мной...

Появившийся сержант доставил задержанного в соседний кабинет, где им вплотную занялся следователь уголовного розыска.

Глава 2

Совещание закончилось, в кабинете осталась только должностная верхушка. Подполковник Круча возглавлял отдел внутренних дел. Вторым по важности был майор Комов, начальник криминальной милиции, куда входил и уголовный розыск, и отдел по борьбе с экономическими преступлениями, и группа по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Первым занимался майор Кулик, вторым – майор Лозовой, третьей – майор Савельев. У каждого свои подчиненные, но по-прежнему впятером они составляли одну команду под неизменным предводительством подполковника Кручи.

– Как здоровье тещи? – спросил Степан, обращаясь к Федоту.

– Спасибо, ничего... Отпуск через неделю, похоже, коту под хвост. В Крым собирался, здесь придется сидеть...

– За это не переживай. Езжай в Крым, мы твоей Алевтине Михайловне скучать не позволим.

– И умереть не дадим, – добавил Саня Кулик.

– Нет, нет, ни в коем случае, – кивнул Рома Лозовой. И, выдержав паузу, сказал: – Пока не узнаем...

– Что не узнаем? – не понял Федот.

– Видите ли, товарищ майор, народная мудрость гласит, что любая теща приносит радость своему зятю. Но не каждая

успевают сделать это при жизни. Вот и хотелось бы узнать, твоя Алевтина Михайловна уже успела принести тебе радость при жизни? Если нет, то...

– Кончай травить! – Призывая к тишине, Степан Круча выставил на обозрение широкую ладонь. – Теща тещей, а дело делом... Что у нас там с Балабакиным?

– А что, в изоляторе сидит, – ответил Кулик. – Сегодня обвинение предъявим, потом в суд, пусть там решают, что с ним делать – в СИЗО или под подписку... Балабакин утверждает, что не он сбил Алевтину Михайловну, на какого-то Васю грешит. Но кто ему поверит?

– Неубедительно грешит, – кивнул Комов.

– Убедительно или нет, а казино «Пьедестал» существует, – сказал Круча. – И там обретается этот какой-то Вася, держатель полуподпольного, как я понимаю, ломбарда... Я не видел этого Василия, я не знаю, кто он такой. И кто держит «Пьедестал», я тоже не знаю. И это мне очень не нравится. Что скажешь, Рома, ты у нас главный по экономическим тарелочкам...

– Так не стрелял я по этой тарелочке, – пожал плечами Лозовой. – И казино видел издали... Не было пока никаких сигналов...

– Пока не было. Пока... А казино уже считается лучшим в городе. И мы не знаем, кто его держит... А Балабакин считает, что Василий из «Пьедестала» представляет братву...

– Чью? – спросил Савельев.

– Это ты у меня спрашиваешь?..

– Ну, я-то не знаю. Претензий у меня к «Пьедесталу» нет, сигналов по наркотикам пока не поступало.

– Снова пока?

– Казино большое, там ночной клуб, говорят, высший класс, танцпол какой-то необычный, людей море. А там, где танцующее море, там, как правило, наркота гуляет... Но пока никаких сигналов. Может, нет ничего, может, шифруются крепко...

– Может, может, а может, и не может, – передразнил подчиненного Степан. – Не знаю, как вам, но мне «Пьедестал» не нравится. Что-то подсказывает мне, что там тихий омут. И, судя по всему, один черт уже показал свой хвост...

* * *

Ремонтно-строительные работы шли осенью, зимой, захватили весну, в конце апреля казино «Реверс» готово было к новому сезону. Осталось довести до ума зал стриптиз-клуба. Сафрон торопил рабочих, но только сегодня он смог принять зал.

Зал сдали на три месяца позже договоренного, но Сафрона это уже не огорчало. Лошадка стоила поставленных на нее денег. Вряд ли сцену для стриптиза можно было назвать ноу-хау, что-то такое он видел в дорогих заграничных клубах, но, как бы то ни было, идея ему нравилась. Это были

площадки для пол-дэнса: три поменьше составляли правильный треугольник, в центре которого находился четвертый, побольше. Изюминка заключалась в том, что все постаменты по форме своей и цвету копировали в масштабе опорные диски проигрывателей с наложенными на них виниловыми пластинками. Центральный постамент вращался только вокруг своей оси, остальные еще по орбитальному кругу... А сейчас вокруг шестов крутились еще и секси-девочки гоугоу. Они танцевали в одеждах – красиво и никакого разврата...

– Нравится?

Сафрону было перед кем похвастаться своим техно-стильным достижением.

– Мега!

Сидящая рядом с ним девушка смотрела на танцовщиц, восхищенно улыбалась, но думала о своем. Ее мало интересовало, что происходит в этом зале, ее тянуло в другой, где была эстрадная сцена. Агния была начинающей певицей, и очень одаренной. Правда, весь ее талант заключался во внешности: лицо, глаза, волосы, фигура, ноги – все гениально, вот только голос подкачал. Но хоть и не было в нем вокальной силы, зато его нежное звучание приятно щекотало слух и плоть...

Девушка попала к нему как переходящий вымпел – из рук в руки. Один потенциальный меценат передал ее другому, тот – третьему... Сафрон не знал точно, четвертым он был

в этом списке или пятым, а может, и шестым, но ничуть не сомневался в том, что с потенцией у него все в полном порядке. И с деньгами, кстати сказать, тоже. В отличие от других ее благодетелей он собирался не только попользоваться Агнией, но и открыть ей путь на сцену. Но пока что все еще был потенциальным спонсором...

– Представляю, какие здесь будут крутиться деньги, – обозревая зал, сказала она.

Похоже, вращаясь в обществе богатых, но скупых мужчин, девушка набралась ума и опыта. Она изображала милую дурочку, но повадками напоминала нежную хищницу. И разговор о деньгах она завела не зря. Это был явный намек на фабулу их взаимоотношений – сначала сцена, и только потом постель.

– Здесь будут крутиться стриптизерши, – сказал он. – И приносить мне деньги. А ты будешь крутиться на главной сцене и тоже зарабатывать – и для меня, и для себя...

– На главной сцене?

– Да, но пока что в масштабах «Реверса». Но это не мало. Ты же знаешь, что здесь выступают большие звезды...

Казино, совмещенное с ночным клубом, пользовалось спросом у солидной публики, Сафрон мог позволить себе устраивать шоу с участием настоящих звезд российской эстрады.

– Через неделю у нас будет петь Максим, – неторопливо, растягивая паузы между словами, проговорил он. – И если

ты будешь хорошей девочкой, то выйдешь на сцену после него...

– Это правда? – зажглась Агния.

– А ты будешь хорошей девочкой?

Думала она недолго.

– Буду.

– Тогда как насчет того, чтобы осмотреть мой кабинет?

Девушка задумалась. Ноги раздвинуть нетрудно, но на этом карьера может закончиться, так и не начавшись. Сколько раз так уже было. Но в то же время он мог поставить на ней крест прямо сейчас, обидевшись на ее несговорчивость....

– Ну так что?

– Сначала в примерку, – нерешительно сказала она.

– В примерку?

– Да, перед выходом на сцену...

Чем больше Сафрон наблюдал за ней, тем крепче становилась уверенность в том, что сломать ее будет нетрудно. Нажим-другой, и она вместе с ним отправится сначала в кабинет, а потом и в комнату отдыха, прилегающую к ней...

Но ему помешал человек, широким решительным шагом направляющийся к нему. С ним еще двое, и все такие же убежденные в своей силе. Это были подполковник Круча и два его соратника, Комов и Кулик. Эти люди обладали потрясающей способностью разрушать преграды на своем пути. Им нужен был Сафрон, и они пришли в «Реверс», и никто из охранников на входе не посмел их остановить.

– Степан Степаныч!

Чтобы засвидетельствовать свое к ним почтение, Сафрон лишь слегка приподнялся со своего места. Но и этого было достаточно, чтобы Агния поняла, насколько важный гость к нему пожаловал.

– Я пойду, – сказала она.

И растворилась в мерцающем полумраке зала, свободного от посторонних людей, но наполненного бодрыми ритмами клубной музыки.

– Балдеешь, Леша? – без приглашения опускаясь в свободное кресло, спросил Круча.

– Есть немного.

– Девочками балуешься?

– Да это гоу-гоу...

– Я не про этих... Как твоя Елена Павловна поживает?

Вопрос с намеком на ушедшую Агнию. Пикантность ситуации заключалась в том, что Степан Круча лично и достаточно хорошо знал его жену. Но можно не сомневаться, Лениусику он ничего не скажет...

– Все в порядке с ней. Цветет и пахнет, – натужно улыбнулся Сафрон.

– Передавай ей привет...

– Давно не виделись, Степан Степаныч.

– Намек понял, Алексей Викторович, – свысока усмехнулся Круча. – Да, дело у меня к тебе... Меня интересует «Пьедестал»...

– «Пьедестал»?! – скривился Сафрон. – А что конкретно?

– Насколько я понимаю, этим клубом заправляют твои конкуренты?

– Я бы сказал проще, этот клуб для меня – кость в горле.

– И крепко эта кость в горле застряла?

– Ну, не то чтобы застряла. Но «Пьедестал» половину моих клиентов к себе перетянул. Думаешь, я просто так здесь капремонт затеял?

– И что, помогло?

– Если честно, не очень... Но я не жалуясь.

– Не жалуешься, – усмехнулся Степан. – А в глазах тоска...

– «Пьедестал» на тят-ляп ставили, а что вышло?

– Что?

– Крепко клубок встал... Я свое хозяйство годами создавал, а эти появились, раз-два, и все готово. За год все сделали – и дом снесли, и ангар свой поставили...

– Ангар?

– Ну, в смысле каркасная конструкция, легкие материалы... Но все по уму, спорить не стану...

– И кто поставил?

– Да залетные... А ты что, Степаныч, не в курсе?

– Тихо ведут себя твои залетные, не примелькались.

– Ну да, не быкуют, это да. И со мной в мире жить хотят...

– А ты?

– Честно сказать? Я бы их опустил, как евро – доллар. Но

там такая ситуация, что туда лучше не соваться...

– Братва?

– Ну что с того, что братва? Плевать я хотел... Дело в другом, у них там крупный авторитет рулит...

– Насколько крупный? – спросил Круча.

– Настолько, что его сибирские воры поддерживают.

– Сибирские?

– Да. Он откуда-то из Якутии, там у них своя мафия, свои размазы. И завязки с нашими московскими ворами. Настолько серьезные, что ему зеленый свет дали. Меня подвинули, а ему дали... Биток у него кликуха. Зовут Матвей... Ничего так мужичок, моего возраста где-то. И в душе крепень есть, да...

– И кто ж ему зеленый свет дал?

– Ну, наши воры, очень серьезные люди. Такие серьезные, что лучше не возникать... Короче, у меня с ними договоренность. С Битком я могу бодаться только в честной конкурентной борьбе... Как знал, что борьба серьезной будет, вовремя свой «Реверс» подлатал, а то бы все клиенты в «Пьедестал» ушли...

– Но ведь не все ушли. А Биток, наверное, хотел бы всех к себе переманить?

– Пусть обломается.

– Ты ему тоже поперек горла стоишь?

– Ну, в общем, да.

– Между вами должно быть напряжение.

– Не без этого.

– Сколько вольт?

– Много. Если честно, много. Молний пока нет и... И не должно быть. Я этого не хочу. Он, по ходу, тоже...

– А если все же проскочит молния?

– Не знаю... Что-нибудь придумаю. Не впервой выкручиваться...

– Вид у тебя не очень, – заметил Степан. – Грусть-тоска заела. Видать, серьезный у тебя противник...

– Серьезный, – признался Сафрон. – Они сюда зачем приехали?..

– Зачем?

– Я тебе скажу, а потом предъявы начнутся.

– А ты так, намекни.

– Что в Якутии ценное?

– Абрамович?

– Хорош прикалываться. Алмазы в Якутии... Все, больше ничего не скажу...

– А больше ничего и не надо, братец. Дальше мы сами...

– Сами. И без меня. Не было у нас разговора...

– Не было, не было, – успокоил Сафрона Степан.

Поднявшись с кресла, подошел к нему, запанибратски хлопнул по плечу.

– Если что, обращайся.

– Ты тоже, Степаныч. Чем могу, тем помогу...

Планка настроения опустилась до отметки «легкая па-

ника». Сафрон и раньше предполагал, что казино «Пьедестал» представляет собой мину замедленного действия. Степан Круча своим любопытством растревожил душу, нервные узлы колосо предчувствие скорой беды. Уж не привел ли кто-то в действие взрывной механизм...

* * *

У Матвея Биткова был свой кабинет с компьютером и монитором на полстены, приемная с шикарной секретаршей, но бывал он там не часто. С персонами высокого ранга он встречался в конференц-зале, с просителями и прочим плебсом – где придется.

Сегодня он принимал доморощенного массовика-затейника в тренажерном зале. Дошлый кучерявый паренек Лева Головастик вел свое небольшое юмористическое шоу на сцене концертно-ресторанного зала – морочил голову людям тупыми остротами. Гнилыми помидорами его пока не закидывали, но и большой ценности он не представлял. Так себе...

Матвей принял его в паузе между переходом от одного снаряда к другому. Форма одежды – голый торс; разгоряченные, взбитые тяжестью мышцы прут наружу, подминая под себя подкожный жирок; соленый пот скапывает со щек, растекается по татуированным звездам на плечах, ручьями струится по крыльям фиолетового дракона на спине. Лева

смотрит на него боязливо, мнется. Матвей на голову выше, чем он, хват плеч раза в два больше, сила в руках такая, что хоть сейчас на медведя... А он ходил на медведя, в тайге, с рогатиной, один на один. И не так уж давно это было...

Приятная усталость приподнимала настроение, Матвей даже улыбнулся, глянув на парня.

– Ну чего тебе, жук навозный?

– Матвей Кириллович, два вопроса! – затараторил тот. – Первое, пора выходить на новый уровень!

– Кому пора?

– Мне!

– А я думал, ты об интересах страны печешься, придурок, – добродушно усмехнулся Матвей. – Что за уровень?

– Э-э, у меня идея, очень хорошая идея, и люди есть, целая команда. Мы бы могли устроить великолепное шоу. Пока в нашем клубе, а если организовать массивный медиаштурм, то возможен выход на телевидение...

– Короче, Склихосовский!

– Я даже название придумал. Очень звучное название! «Клоундайк-шоу»!

– Клондайк? – поморщился Матвей. – Что ты про Клондайк знаешь, валенок?

– Нет, не Клондайк, а Клоундайк, от слова «клоун»...

– Клондайк – это золото, а твой Клоундайк – это клоуны.

– Да, да, верно...

– Я тебя не спрашиваю! Я тебе говорю! Золото искать на-

до, добывать – потом и кровью. А клоунов искать не надо. Клоуны под ногами валяются, даже не знаешь, что с ними делать – то ли подобрать, то ли пинка дать...

– Подобрать! – подсказал парень и замер в холуйской стойке.

– Ну, если клоун хороший, то можно и подобрать, – неохотно согласился Матвей.

– Так мы начнем?

– Начинайте. Дома у себя, за свой счет. А потом приходи, когда настроение хорошее будет. Не у тебя настроение, у меня... Смотреть буду. Если плохо, пеняй на себя. Если хорошо, бить не буду, просто выгоню... Шучу, если игра будет стоять свеч, может, зеленый свет дам. Нам нужны хорошие шоу... Все, пошел...

– Так еще же второй вопрос!

– Если опять клоуны, убью...

– Нет, гипнотизер. Для моей программы...

– Гипнотизер?

Матвей устал, впереди его ждал станок для мышц бедра, но что-то уже не хотелось жечь калории.

– Да, очень хороший гипнотизер. Я номер для него придумал. Он будет поднимать людей из зала, гипнотизировать их, ну, для хохмы...

Лева говорил одно, а Матвей думал о другом. Сценический номер его мало интересовал, он был озадачен самим фактом существования гипнотизеров. Что, если эти люди

ринутся в казино, начнут завораживать крупье и дилеров... Это может обернуться потерей в деньгах. И с гипнотизерами надо будет что-то делать, возможно, кого-то из них придется убить – в назидание другим. А ему не хотелось пачкать новое место кровью... Это в тайге и в тундре можно было валить народ, что лес, а здесь цивилизация...

– Людей, говоришь, гипнотизировать, – надевая футболку, отозвался он.

– Ага.

– Думаешь, будет смешно?

– Ну да. Они ж плясать будут, руками дрыгать, ногами. А если стриптиз танцевать заставить, так ржач гарантирован...

– Ржач?

– Ну да, хохот.

– А если уважаемого человека на сцену поднимешь? Я ж потом этот ржач в твой просак засуну, ты хоть это понимаешь?

– Э-э... – стушевался Лева.

– А сильный хоть гипнотизер?

– Ну да, на себе пробовал. На раз отключился, ничего не помню. Говорят, песни горланил... А может, не надо? – пошел на попятную парень.

– Может, и не надо. Но ты все равно этого деятеля приводи. Посмотрим, с чем едят...

Матвею вдруг захотелось проверить, насколько велика его внутренняя сила. Если он сможет устоять перед гипнотизе-

ром, значит, все в порядке.

Глава 3

Внешним своим видом «Пьедестал» напоминал громаду какого-нибудь торгового центра, что вскакивали близ Битова, как прыщи на щеках у половозрелого юнца. Облагороженная территория вокруг с разноцветными грибками летних кафе, вместительная парковка для машин, газоны, фонтан у парадного крыльца, разыгрываемый джип с подарочной ленточкой на эстакаде. Похоже, от клиентов нет отбоя. Стоянка забита дорогими машинами, перед главными дверями толпится очередь.

Для постоянных клиентов отдельный вход, но мало купить билет, нужно иметь клубную карточку. У Степана был только билет, взамен пропуска решено было использовать служебное удостоверение. Его предъявил Комов.

Охранник на входе попытался взять удостоверение в руки, но Федот не позволил.

– Козу на возу будешь мацать.

Твердолобый амбал в черном костюме глянул на него исподлобья – хмуро, раздраженно.

– Проходите, – гнусавым басом сказал он, но с места не сдвинулся.

– Подвинься, пройдем.

– Не сюда, в общую очередь проходите.

Это была издевка с холуйского плеча.

- Мы лучше вообще уйдем, – невозмутимо сказал Комов.
- Но вернемся, – в том же тоне добавил Саня Кулик.
- Обязательно вернемся, – подтвердил Рома Лозовой.

Степан промолчал и первым повернулся спиной к охраннику. Но далеко уйти он не успел: путь ему перегородил низкорослый тяжеловес в черном костюме и с бейджиком на лацкане пиджака.

«Начальник охраны. Анатолий!», – успел прочитать Степан, прежде чем он в лакейском жесте сложил руки на груди.

– Господа! Извините! Произошло недоразумение! Проходите, милости просим! Можно было и билет не покупать, можно было и так. Всегда рады! Всегда рады!!.

Кто-то умный вовремя получил информацию, прокрутил ее в голове, сделал правильные выводы – Степан получил сатисфакцию, но возмущение в душе все же не улеглось. В клуб он входил как на враждебную территорию...

* * *

Внешне казино выглядело помпезно, но, в общем, бесхитростно, изнутри же оно представляло довольно сложную конструкцию. Посреди огромного по площади помещения располагалось цилиндрической формы строение, от которого, как лепестки от цветоложа, расходились сегменты залов. Цилиндр в три стандартных этажа – административный корпус; крупные сегменты с перегородками до самой крыши –

казино, концертный зал с выходом на танцпол, где и находился уникальный пьедестал. Секции поменьше были разбиты на этажи, здесь находилась гостиница, сопутствующие такого рода заведениям сауны, массажные салоны, прочие увеселительные заведения – все для VIP-клиентов, все для их удовольствия...

Кабинет Матвея находился на втором этаже административного корпуса, конференц-кабинет с зимним садом – на третьем. Окна первого помещения выходили только на казино, из второго вдобавок можно было обозревать танцпол и концертный зал с ресторацией.

Пьедесталом называлось грандиозное многоступенчатое сооружение, горой возвышающееся чуть ли не до самого потолка. Ступеньки округлые, в основании широкие и низкие, высотой не более полуметра. Но чем дальше вверх, тем больше высота и меньше площадь, а на самой верхотуре пьедестал из трех уровней. На нижнем и среднем уровне – безраздельно властвуют профессиональные танцовщицы: гоу-гоу и обнажающиеся догола стриптиз-дивы. Самая верхняя площадка, «первое место» – вотчина диджеев. Сюда они поднимаются по лифту центральной шахты, по кругу от которой расходятся танцпольные ступени. Любитель может вплотную подобраться к пьедесталу, но это не просто, потому как последние ступени основной «горы» достаточно высоки.

Вечер еще только начинается, народ пока что разогревается на нижних ступенях. Бармены крутят флейринг, фасу-

ют в бокалы крепкие напитки, с верхотуры «третьего места» публику заводят девочки-зажигалки. Смазливые официантки и сексуальные консуматорши в коротких юбках дополняют вакхический антураж...

Толстое стекло приглушает звук, но все же слышно, как в зале гремит музыка. Бом-бам-бим-бом... Сказка только скандывается, ягодки еще впереди.

Сева шумно вошел в конференц-кабинет, тронул Матвея за плечо, пальцем показал вниз, в сторону первого бара.

– Глянь, менты!

В дискотек входили рослые, гренадерской комплекции мужчины в клубных пиджаках. Высоко поднятые головы, пытливые взгляды, уверенность, бьющая через край, военная выправка... Да, это были менты. Даже если бы они сутулились, волочили взгляды по полу, шли с оглядкой, Матвей бы все равно их узнал. На ментов у него зэковский нюх.

– Откуда они взялись?

– Откуда-откуда, из ментовки. Толик их срисовал... Да ты вспомни, он же фото их показывал...

Врага надо знать в лицо. Поэтому Матвей обладал кое-какой информацией о сотрудниках местного ОВД. Да и нельзя было игнорировать их. Ходили слухи, что мужики там работают очень крутые, с такими шутить опасно для здоровья...

– Вникать неохота.

Настроение безнадежно испортил гипнотизер. Не стоило Матвею связываться с ним, а нет, попала вожжа под хвост.

Не смог он устоять перед гипнотическим взглядом, сначала поплыл, а затем вовсе утонул... А ведь верил, что выдюжит.

– Неохота, а придется, – сказал Сева. – Это начальник битовской ментовки, со своими замами... «Бык» один на входе затупил. Мент ему ксиву показывает, а тот – в общую очередь.

– Правильно, там им и место.

– Матвей, у тебя что, настроение в плинтусе? Какое там место? Они же нам жить не дадут, если в штыки встанут...

– Логично... А настроение правда не в дугу.

– Хорошо, Толик вовремя узнал, кого «бык» завернул. Прогнулся перед ментами...

– Западло так прогибаться. Ну да ладно, с ментами в мире надо жить, понимаю... Понимаю, но принять не могу... Какого им здесь надо?

– Не знаю. Ходят, высматривают. В казино заглянули, в концертном были, на пьедестал вот смотрят. Танцевать не будут, в концертный сейчас вернутся...

– Сева, я не пойму, ты пророк или менты тебе прогон сделали?

– Я не понял, это что, предьява? – взвелся Сева.

Он не отличался высоким ростом и размахом в плечах, но выглядел внушительно. Плотно сбитый, резкий, напористый. Лоб толщиной с танковую броню; маленькие глаза, глубоко утопленные под мощными надбровными дугами; нос лепешкой, тяжелый подбородок, способный, казалось, вы-

держат удар кувалдой.

– Тсс! Не гони волну! – осознав свой промах, сказал Матвей.

– Ну ты точно с головой сегодня не дружишь, – успокаиваясь, буркнул Сева. И пояснил: – Менты столик в ресторации заказали. К сцене сейчас пойдут, поляну им там накрывают...

– А танцевать, говоришь, не будут? – в раздумье усмехнулся Матвей.

– Эти не будут... А ты что задумал? – подозрительно глянул на него Сева.

– Да так...

– Ты это, будь поосторожней. Менты не простые, и за жабры могут взять...

– Не так страшен черт...

– У Сафрона, говорят, хлеб-соль с ними.

– Хлеб-соль с ментами? Стремно.

– Стремно не стремно, а живет Сафрон нормально. Деньги спокойно делает. Никто его не трогает. А раньше, говорят, на ножах с ментами был. Подмяли его...

– И мы его подомнем. Не сегодня, так завтра...

– Да, но с ментами собачиться не надо...

– Зачем собачиться? Они на шоу пришли. Будет им шоу...

Он позвал к себе Леву Головастика и велел ему готовить к выходу гипнотизера.

Саня Кулик не жалел потраченных денег. Вечер, что называется, удался. Дискотал с танцевальным пьедесталом ему понравился, но там громкая музыка терзала слух, а лазерное светошоу резало глаза. Да и не тот возраст у него, чтобы козлом скакать под музыку. Зато в ресторане здорово. Светло, комфортно и не слышно, как за стеной грохочет молодежная дискотека. Сцена, общий зал, заставленный столиками, два дополнительных яруса – как в театре – для отдельных ресторанных кабинетов. И цены не самые кусачие. Любезные официанты, угодливый метрдотель, холодная водка, тающие во рту французские стейки. На сцене крутится группа голосистых девочек, уже обозначившихся на телевизионных экранах – еще не звезды, но уже близко к тому.

– Неплохо живут якутские бандиты, – сказал Комов.

– Бандиты не бандиты, а ничего не докажешь, – пожал плечами Лозовой. – Заведение зарегистрировано на добропорядочных граждан, жителей славного города Битово. Формально ни к чему не придерешься.

– Зато мы знаем, кто такой Биток, – критически посмотрел на него Степан.

Кулик сам занимался сбором информации, но накопил не так уж и много. Битков Матвей Кириллович, семидесятого года рождения, дважды судим за мелкие кражи, общий ла-

герный стаж шесть лет. Сидел в лагерях славного для воровской братии Магадана, сначала на общем, затем на строгом режиме. В девяносто девятом году освободился, что называется, по звонку. На этом информация о нем исчерпывалась. Пропал Битков Матвей Кириллович, вышел из поля зрения правоохранительных органов. Чем занимался, с кем, в каких краях – загадка. Можно было только плясать от подсказки, которую дал Сафрон. Колыма, Чукотка, Камчатка – колымское золото, якутские алмазы, камчатская платина. Тайга, тундра, дикие края, дикие старатели, дикие банды, дикие нравы... Возможно, именно оттуда и пришли средства, на которые было построено казино «Пьедестал»...

– И только предполагаем, кто может быть у него в команде, – сказал Кулик.

Если Биток действительно занимался золотом и алмазами, то под ружьем у него, возможно, настоящие головорезы... Но опять же, все это догадки. В дальние края уже отправлен официальный запрос – может, все-таки кто-то знает, чем промышлял Биток; возможно, всплывет информация о его «подвигах» и банде...

И еще неизвестно, где Биток находится сейчас. Может быть, рядом, в казино, а может, развлекается где-нибудь на Канарах...

– Не нравится мне все это, – сказал Степан. – Очень не нравится... Но поводов придраться к Битку пока нет.

– Придраться можно к танцполу, – ввернул Лозовой.

– Что там не так?

– Пьедестал очень высокий, на высоте ступеньки очень крутые, а народ у нас шепутной, к стриптизершам поближе полезет. Можно так вниз навернуться, что и костей не соберешь...

– Вряд ли, – не согласился Комов. – Максимум на ступеньку пониже упадешь...

– С одной ступеньки на другую, ниже, ниже... – не сдавался Рома. – Ну, чисто гипотетически...

– Чисто гипотетически можно и к столбу докопаться, – сказал Степан. – Но мы же в здравом уме, маразмами, тьфу-тьфу, не страдаем... Это что там за клоун на сцене?

За девушками на сцене Круча следил вполглаза, слушал их вполуха, зато заметил появление худосочно-костлявого паренька с гривой темных кучерявых волос. Нелепая кепка с бубоном на длинном козырьке, полосатая рубаха – вздорная пародия на робу зэка с особого режима; широченные джинсы, спущенные ниже верхнего среза трусов. Балаган, одним словом.

Паренек не мог спокойно стоять на сцене. Приплясывал, махал рукой так, что едва удерживал в ней микрофон. А с языка сыпалась паскудная чушь.

– Теща зятю – ты видел парня, который меня спас? Зять ей – да, он уже приходил ко мне извиняться!.. И еще!.. Теща спрашивает у зятя, когда отходит ее поезд. А он – через два часа, восемь минут, четырнадцать секунд! Ха-ха!..

Кулик слушал эту ахинею, плотно сомкнув губы. А Комов даже порывался встать, чтобы подняться на сцену и пинком прогнать со сцены этого мерзопакостного паяца.

К счастью, фигляр заткнулся по своей воле. Рассказал пару-тройку затертых анекдотов, объявил выход «великого и непревзойденного мага» и убрался со сцены.

Объявленный гипнотизер в длинном колпаке и шелковом плаще вышел в зал.

– Кажется, идет к нам, – возмущенно нахмурился Лозовой.

– Что-то здесь нечисто, – покачал головой Комов. – Сначала тещу в мой адрес травили, теперь еще и это чудо... Точно, к нам идет.

С улыбкой до ушей гипнотизер подошел к столику, бесцеремонно взял под локоток Степана; свободной рукой обвел его друзей, показал на сцену.

– Прошу, господа! Ваш выход!

– Я тебе сейчас!.. – нахраписто дернулся Комов.

Но Круча его осадил резким взглядом.

– Спокойно, Федот, все нормально.

Он дернул рукой, высвобождая локоть, с важным видом поднялся из-за стола, в сопровождении гипнотизера поднялся на сцену.

– Сейчас будет цирк! – потирая ладони, сказал Матвей.

Из окна хорошо была видна сцена. Иллюзионист на ней и четыре мента. Сами виноваты, что повелись.

– Зря ты так, – недовольно сказал Сева.

– Не нагоняй тоску, брат.

Матвей и сам понимал, что напрасно злит ментов. Игры с огнем заканчиваются пожаром. И не поступил бы он так опрометчиво, если бы сам не стал жертвой гипноза. Сейчас он хотел доказать, что хваленые битовские менты ничем не лучше его.

– Чего без дела сидят, пусть потанцуют...

– Ну-ну, я тебя предупреждал, – буркнул Сева.

– Ты, предупреждало, скажи лучше, где братан твой Де-ма?

Матвей спросил с безмятежно-ухарской интонацией в голосе. Но сам вопрос родила тревога, слабым огоньком вспыхнувшая в сознании. Подкорка подсказала, что зря он связался с ментами. И ему вдруг стало не хватать Демы, такого же боевого парня, как Сева.

– Амур у Демы, выходной взял, – глядя на сцену, сказал Сева. – Ты же сам его отпустил...

– Ну, амур так амур...

В принципе бояться было нечего. Вход в административ-

ный корпус стерегут громилы из службы охраны, и перед входом в конференц-кабинет установлен пост... Да и в любом случае менты не посмеют потревожить его покой на частной территории.

– Это писец! – прыснул Сева.

Матвей стиснул зубы. Не ожидал он, что дело примет такой оборот. Мало того, что мент смог устоять перед силой гипнотизера, так он еще обратил ее против него самого; и сейчас иллюзионист сам с оступевшим взглядом выкидывал коленца. Главный мент пристально смотрит на него, что-то говорит, а тот пляшет под его дудочку. Вприсядку, с подпрыгом, яблочко да на тарелочке... Публика в лежке.

Матвей смотрел на мента – глаз его не видел, но чувствовал исходящую от него силу. Энергетика высшего накала. Не хотел бы он попасть под такую волну...

Гипнотизер плясал, пока не рухнул на пол от усталости. Мент посмотрел на него как на плевок, который следовало бы убрать, помахал рукой в зал и направился к своему столу. Но там не задержался, бросил на скатерть несколько купюр и двинулся к выходу. Его свита последовала за ним.

– Я думаю, повеселились они в кайф, – бодро сказал Сева.

– А ты чему радуешься? – буркнул Матвей.

– Ну, не думаю, что менты будут в претензии.

– А тебя их претензии пугают?

– Ты же сам говорил, здесь мы будем жить в мире и покое.

А если скучно станет, в тайгу рванем, там забав хватает...

– Говорил. А что делать, если я ментов терпеть не могу.

– А ты терпи. Целей будешь.

– Это ты мне такое говоришь?

Сева промолчал, и Матвей быстро успокоился. Будь на месте Севы кто-то другой, он бы порубил наглеца на бульонные кубики, но Сева – один из лучших, самый надежный. Севастьян Касьянец, Дима Косач, Гена Толстухин, Толик Антипов и он, Матвей Битков, во главе. Это самая верхушка его пирамиды.

Матвей подошел к окну, из которого можно было обозревать пьедестал, присмотрелся к танцовщице с короткой стрижкой и лебединой шеей. Кучные темно-каштановые волосы, личико – картинка, фигурка – эталон, техника танца не самая лучшая, но выкладывается девушка полностью, как будто в последний раз...

– Кто такая? Почему не знаю? – любясь красоткой, спросил он.

Вопрос был риторический, потому как Сева танцовщицами не занимался. Да он бы и не успел ответить, потому что в акустических колонках раздался предупреждающий голос Толика.

– Атас! Менты!

Матвей рефлекторно подался в сторону запасного, аварийного, лифта, но было уже поздно. Дверь распахнулась с такой силой, будто в нее угодило ядро из Царь-пушки. В кабинет ворвался тот самый мент, который заставил плясать

гипнотизера. И с ним его свита, обладающая таким же танковым напором.

Главный мент шел прямо на Матвея. Он остановился в самый последний момент, вплотную приблизившись к Матвею, упер в него парализующий взгляд. Это был подполковник Круча, о чрезвычайной крутости которого доселе он знал с чужих слов. Сейчас он убеждался в том на собственном опыте.

– И зачем ты это сделал? – жестко спросил подполковник.

– Что сделал? – пытаюсь сохранить лицо, выдавил из себя вор.

– Анекдоты про тещу, гипнотизер.

– Какие анекдоты?

– А какой гипнотизер?

Круча легонько толкнул Матвея в грудь, и тот сел на кожаный диван. Как будто в лужу сел...

– Зачем ты это сделал? – снова спросил Круча.

– Не знаю, о чем ты...

– Ты. Это. Сделал.

Напряжение в ментовском взгляде усилилось. Матвей уже жалел, что натравил гипнотизера на людей.

– Это вы о чем?

Матвею стало тошно от самого себя. Сильно же сел мент ему на голову, если он обратился к нему на «вы». Давно с ним такого не было.

В кабинет запоздало ворвался Толик с толпой охранни-

ков. Кручу и его ментов можно было скосить с ног, сложить в стога, бросить в обмолот. Но Матвей махнул рукой, отсылая своих людей назад. Оставил при себе только Севу и Толика.

* * *

Степан глянул на закрытую дверь, обозрел уютившихся на диване братков, набросив на лицо призрачно-добродушную улыбку, сел в кресло за овальный стол. Рядом устроились его помощники.

Он не думал, что сможет застать Битка в клубе, но ему повезло. Обломав гипнотизера, он сначала хотел покинуть заведение, но передумал, на пути к выходу обнаружив двери в административную часть казино. С охранником не церемонились, Комов просто отшвырнул его в сторону. Со вторым охранником у лифта еще и поговорили – в режиме экспресс-допроса, бедняга и подсказал, как найти хозяина клуба. Потом были еще два охранника, но парни ничего даже не успели понять... И сам Биток, похоже, все еще не может оправиться от шока.

Выдерживая паузу, Степан осмотрел помещение. Все как в лучших домах – стеклянный купол с видом на небо, витринные окна с выходом на клубные залы, в противоположной стороне зимний сад. Мрамор, хром, красное дерево, элитная офисная мебель, четко вписывающаяся в интерьер.

– Широко размахнулся, Матвей Кириллович, – свысока

усмехнулся Степан.

– Чего надо? – сычом посмотрел на него вор.

– Ты, Биток, из тайги выйди.

– Какая тайга, о чем вы, э-э, не знаю, как вас там...

– Подполковник Круча, если не знаешь... Но ты знаешь все, Биток. Я тебя знаю, и ты меня знать должен...

– Ничего я вам не должен.

Похоже, Биток уже давно вышел из тайги. Лицо не огрубелое, как у прожженных уголовников, черты лица тяжелые, но четкие, здоровый цвет кожи. Определенная ухоженность в облике, прилизанность. Дорогой летний костюм на шелковой сорочке без ворота, видно, что на шее золотая цепь в мизинец толщиной, на пальцах золотые перстни с бриллиантами – наверняка для того, чтобы скрыть лагерные татуировки. И его соратники явно стремились к тому, чтобы подальше отойти от образа уголовников. Но их звериная суть лезла из волчьих глаз, хищных оскалов...

– А ты хорошо подумай, может, что-то должен?

– Я всегда знаю, что говорю.

Голос у Битка густой, с хрипотцой, но не так уж и просто угадать в нем приклатненные интонации, не говоря уж о жаргонной лексике. Может, со своими братьями по разуму он и ботал по фене, но в общении с представителями закона держал себя в рамках.

– То есть за свои слова отвечаешь. И за действия тоже?

– Да, конечно.

– Тогда будешь отвечать. С гипнотизером все ясно – твоя работа. Но зачем ты тещу тронул?

– Не пойму, что за теща?

– Клоун твой анекдоты про тещу травил.

– А-а, это. Так на то он и клоун, что язык без костей...

– Злобный у тебя клоун. Но все же он клоун. И он всего лишь посмеялся над тещей моего зама. А кое-кто сбил ее на машине, с нанесением тяжких телесных повреждений.

– Это вы о ком? – наострил ухо Биток.

– Василий его зовут. Заведует ломбардом при казино.

– Есть у нас ломбард. Но им заведует... э-э...

– Некрасов Игорь Борисович, – подсказал начальник охраны.

– Игорь, – кивнул Биток. – Но не Василий... Василий, может, у нас есть, но не в ломбарде... Да и вообще, сколько на свете Василиев...

– Ты мне дурку не валяй, – с добродушной улыбкой на губах грозно посоветовал Степан.

– Это допрос?

– Нет, не допрос. Скажем так, ознакомительная беседа. Хочу посмотреть, насколько ты умный человек... Знаю, что в Магадане сидел, знаю, что по тайге шарился, – в утвердительном тоне сказал он о том, о чем мог только догадываться. – Алмазы, золотишко... Кровь людская что водица...

Биток ничего не сказал. Но, не выдержав его взгляда, отвел в сторону глаза.

– Скажи, зачем ты сюда приехал?

– Голос крови.

– Какой крови? Ты в Якутске родился. И рос там, пока за решеткой не оказался.

– И родился там. И вырос. А всю жизнь про Битово мечтал, – осторожно усмехнулся вор. – Би-то-во, а у меня фамилия Битков. Созвучно, да?

– Это ты девочкам своим можешь рассказывать. А меня грузить не надо. Я и без того все знаю. Надоело тебе по тайге шариться, сюда подался. Деньги свои грязные в развлекательный бизнес вложил. Умно. В Битове земля еще не такая дорогая, как в Москве, а обороты такие же, как на Новом Арбате. Или нет?.. Короче, меня твои былые «подвиги» мало волнуют. Что было, тем пусть другие занимаются. А для меня главное – порядок в моем городе. И за малейшее нарушение здесь буду спрашивать по всей строгости закона... А кто сбил женщину, я все равно докопаюсь. И если доберусь до твоего Василия без твоей помощи, пеняй на себя. Ты меня понял?

Степан не стал дожидаться ответа. Резко поднялся и вышел из конференц-зала. Он взбаламутил воду, но пока еще не ясно, поднялся осадок или нет. Хотелось надеяться, что Биток сделает правильные выводы.

Стриптизерша с лебединой шеей работала на износ. И разделась уже до тонюсеньких трусиков. Но Матвей не стал ею любоваться. Не до нее.

В кабинет вошел Васек. Яйцеобразная голова, прическа как у Карлсона, плоское лицо, крупные раскосые глаза, длинное тяжеловесное тело, короткие мощные ноги. Он мог бы выглядеть комично, если бы не его резкий рысий взгляд. Джинсовый костюм, толстая золотая цепь поверх футболки, туфли из крокодиловой кожи с заостренными и загнутыми вверх носками.

Он имел определенный вес в бригаде, но к элите не принадлежал – ничто не мешало Матвею показать ему зубы.

– Рассказывай, как ты в дерьмо вляпался? – рыкнул он.

– Какое дерьмо? – не понял Васек.

– Кого ты на машине сбил?

– Кого я сбил? – Парень обомлело глянул на Севу.

Но тот кивнул ему в знак того, что надо сознаваться.

– Ну бабу сбил... Сева знает...

– Я почему ничего не знал?

– Так это ж так, мелочь. С бабой нормально все, я узнавал.

Ну переломы там, а так все в порядке... Да и мусора ничего не знают...

– Мусора ничего не знают? А кто у меня сейчас был, при-

дурок? Про тебя спрашивали.

– Вот козел! – вспенился Васек.

– Это ты кому? – угрожающе свел брови Матвей.

– Так это, я ж терпилу одного подставил. Балабакин его фамилия. Балаболка, в натуре... Его машина, с него и спрос. Я с ним договорился, он все на себя должен был взять. Менты его уже повязали... А он все-таки сдал меня... Надо будет разобраться с козлиной...

– Что за человек?

– Да так, из Москвы... На мель сел, бабки нужны, я у него машину в залог взял... На этой машине и снес бабу... Он еще мне денег должен был, я с ним договорился. Ну, долг прощаю, машину отдаю, все такое... В убыток пошел из-за него, а он ментам меня сдал... Ничего, прижму, обратную включит...

– А если тебя самого прижмут?

– Кто?

– Менты.

– Да клал я на них.

– Класть ты в штаны будешь!

Васек еще не имел полного представления о битовских ментах. А Матвей сам чуть в штаны не наложил под прес-сующим натиском подполковника Кручи. Непомерной силы мент, не зря местная братва боится его... Конечно, можно найти на него управу, но стоит ли связываться? Такого медведя с первого выстрела не убьешь, только ранишь и так этим

разозлишь, что в могиле от него только и спрячешься...

– Да ладно, я знаю что почем, – самоуверенно сказал Васек.

– Ты это знаешь. А я знаю, что будет, если менты нам на голову сядут.

– На голову из-за какой-то бабы?

– А если эта баба – ментовская теща?

– Если точнее, то теща майора Комова, начальника криминальной милиции, – подсказал Сева. – А это и уголовный розыск, и экономика, и наркота...

На последнем слове он сделал особое ударение. Наркотики в свободной продаже по клубу не ходили, но для элитных клиентов запас кокаина был всегда. Как ни крути, а это слабое звено в общей цепи, и несдобровать, если менты за него ухватятся...

– Ну, теща... – замялся Васек. – Радоваться надо...

– Есть тут один клоун, – сказал Сева. – Ментов повеселить хотел. Так развеселил, что чуть офис не разнесли...

– Короче, Васек, дело такое, нам палево ни к чему, – подвел черту Матвей. – Пробьешь ситуацию и, если терпила реально показывает на тебя, пойдешь сдаваться.

– Только в уголовку не иди, – вмешался Сева. – С гаишников начни, они этими делами должны заниматься. И деньги они хорошо берут...

– Деньги у тебя есть, – кивнул Матвей. – И мы, если что, подкинем, подмажем, все такое. В общем, вытащим тебя...

– Так это, у меня ж две судимости, – скис Васек.

– Значит, на лапу больше дать придется, всего-то делов...

А терпилу не трогай. Не надо... Пока не надо... Ты меня понял, братан?

Васек все понял и с унылым видом вышел за дверь. Следующим на очереди был клоумэн Головастик. С ним не церемонились. Толик с ходу врезал ему кулаком в живот, подождал, пока схлынет боль, и снова сделал прямой массаж печени.

Головастик ползал по полу, хватал его за ноги, умолял простить.

– А прощать тебя не за что, – сказал Матвей. – Ты ментам на больную мозоль наступил, а нам плевать, больно им было или нет... А получаешь за то, что нас подставил...

– Я... Да я... Если б я знал...

Матвей его уже не слушал. Он снова смотрел на свою красотку. Она уже выбилась из сил, но в ее движениях не было фальши.

Глава 4

Дело закрыли за отсутствием состава преступления. Об этом Сене объявил следователь ГИБДД, колобкообразный, краснощекий капитан с беспокойными глазками. Он же выписал ему разрешение на выдачу машины со штрафстоянки. Но за пропуском нужно было идти к начальнику криминальной милиции.

Майора Комова пришлось ждать больше часа. Долго, зато на правах свободного человека. Наконец офицер появился, увидел Сеню, махнул ему рукой, приглашая в кабинет.

– Как настроение? – весело и без подначки спросил он.

– Какое может быть настроение после пяти суток взаперти?

– Думаю, что не очень... Ничего, придешь домой, напаришься, настираешься...

– Хотелось бы.

Сеня сидел в светлой камере, где после недавнего ремонта приятно пахло краской. Единственный сосед не досаждал, клопы не кусали, кормили сносно, унитаз работал исправно, в кране была вода – можно было мыться. И все же это была неволя. Он чувствовал себя грязным, липким, хотелось поскорей оказаться дома, с головой залезть в ванну.

– Ты в курсе, что Василий твой сознался в совершенном преступлении? – с тихим торжеством в голосе спросил Ко-

МОВ.

– Ну конечно... Только не понимаю: почему?

– Не думаю, что его замучила совесть.

– Но ведь он сознался...

– Да. И сейчас находится на воле, – поскущел майор. –

Под подпиской о невыезде...

– Как на воле? – возмутился Сеня. – Он на воле, а я пятеро суток здесь как последний... Между прочим, мне даже обвинение не предъявили.

– Хочешь сказать, что под стражей ты содержался незаконно?

– А хотя бы и так.

– Тогда слушай сюда, парень. Твой Василий – опасный рецидивист, у него две судимости, разбой, ограбление...

– И что? – испуганно спросил Балабакин.

– А ничего хорошего... Может, мы и держали тебя здесь, чтобы ты с ним на воле не встретился...

– Но ведь он на воле.

– Есть обстоятельства, – слегка замялся майор. – Мы с ними разбираемся...

– Так что мне делать?

– Я говорил с Волынком, сказал ему, чтобы оставил тебя в покое. Он обещал не трогать...

– И вы ему поверили?

– Не очень... Что, страшновато? Вот и нам не хотелось бы, чтоб ты встречался с Волынком. Мой тебе совет, парень,

уезжай ты из Битова от греха подальше. В Москву, но так, чтобы никто не знал, где ты там обитаешь...

– Чтобы там обитать, деньги нужны...

– И тем не менее.

– Я понимаю.

– И еще, запиши номер моего мобильного, если вдруг что, звони.

Сеня мог бы и усомниться в том, что Комов искренне желает ему помочь. Но майор дал ему номер своего мобильного телефона, значит, он действительно желал помочь ему.

В дежурной части Балабакин получил обратно часы, деньги, документы, ключи от машины, шнурки к кроссовкам. Вышел из здания ОВД, осмотрелся – не поджидает ли его Вася-Василий. Не было никого, спокойно. Теперь можно было насладиться и запахом свободы.

Сеня подошел к округлой клумбе, остановился. Милиция рядом, цветы никто не обрывает, розы стоят гордо и во весь рост, как на параде. Нос как будто сам по себе ткнулся в пышный бутон. И кто бы мог подумать, что у роз такой пьянящий запах.

Земля тоже пахла, но нюхать ее Сеня не стал. Глянув себе под ноги, он подумал, что, если его убьют, он утратит способность воспринимать запахи. Его мертвое тело положат в гроб, опустят в яму, забросают землей, а он ничего не будет чувствовать... Василий Волюнок, дважды судимый рецидивист.

Балабакин выбежал на проезжую часть, лихорадочно вскинул руку. Поймал такси, добрался до штрафстоянки, предъявил разрешение. Пришлось раскошелиться, но это его не рассердило. Деньги – дело наживное, а жизнь, увы, на перемотку не поставишь – если убьют, то навсегда...

След на машине от столкновения с женщиной был незначительным, не разглядеть. Но с машины исчезла антенна, кто-то с мясом вырвал боковое зеркало, какая-то сволочь варварски выдавила и унесла заднее стекло. Удивительно, что магнитофон на месте... Смотритель стоянки не стал бы его даже слушать, сказал бы, что так было, и привет. Да и не хотелось тратить время на разговоры с ним. Балабакину не терпелось поскорее отправиться домой, принять ванну, перекусить, и тогда уже можно ехать в Москву. Продаст свою японскую красавицу, на вырученные деньги снимет квартиру, продаст свой музыкальный хит и снова заживет как человек...

Он благополучно выехал со штрафстоянки, направил машину вниз по узкой улочке, но не смог свернуть на большую дорогу. Путь преграждал черный, сверкающий новизной «Хаммер». Таранить машину не было смысла, а сзади его подперла иномарка.

Из «Хаммера» вышел Василий. Он выглядел так же внушительно грозно, как палач в глазах загнанной на эшафот жертвы. И его незлобная улыбка не могла обмануть Сеню.

Волынок был один, но для Балабакина и этого было мно-

го. Василий поманил его к себе пальцем, и он как завороченный вышел к нему.

– Куда собрался, братишка?

Волынок снял солнцезащитные очки, сверкнул морозным взглядом.

– Да вот, еду, – растерянно пожал плечами Балабакин.

– Уже приехал. Или ты скрысить мою машину хотел? Признавайся, хотел?

– Почему твою?

– Что?! – вскипел Василий. – Тебе залоговый документ показать?

– Так это, ты же говорил, что это моя машина...

– Гы, вот это заявка! Кто ментам меня сдал?

– Не знаю, они сами...

– Твое счастье, баран, что я добрая душа. А то держался бы ты сейчас за вскрытое горло. Знаешь, что с баранами делают?.. Но так уж и быть, живи. А машину я забираю... Сколько ты мне там торчишь?

– Я же в тюрьме сидел...

– Где ты сидел? – презрительно скривился Волынок. – Ты в санатории сидел, а не в тюрьме... Сколько ты мне должен? Сто тысяч. Плюс десятка за каждый просроченный день. Итого, сто семьдесят. Да еще двадцатка, которую ты у Стеллы взял. Сто семьдесят и двадцать – это двести, так?

– Сто девяносто!

– А я сказал, двести!..

– Но у меня нет.

– Найди. Срок три дня. Нет – снова включу счетчик... И смотри, в ментовке у меня связи, если вдруг дунешь туда, я тебе башку прострелю. А сдернуть даже не пытайся, я тебя, гада, из-под земли достану... К нотариусу едем, и смотри у меня, без фокусов...

Василий отобрал у Сени техпаспорт на машину, обязал его ехать за собой, сел в свой джип, вырулил на дорогу. Контора нотариуса находилась в центре города, в невзрачной пятиэтажке неподалеку от колосса «Пьедестала». Волынка там ждали – оформление генеральной доверенности не заняло много времени. Сеня вернулся в уже бывшую свою машину, чтобы довести ее до казино, там поставить на платную парковку.

– Ну вот и все, паря, приехали, – забрав у него ключи, самодовольно улыбнулся Василий.

Очки на лбу, джинсовая куртка переброшена через руку, расслабленная поза, агрессия свернута в трубочку.

– Может, неделю дашь, без счетчика? – почувствовав перемену в его настроении, спросил Сеня.

– Хорошо, неделю, – в охотку шурясь на солнце, легко согласился Волынок. – Что ж мы, не люди...

– А если это, бартер? – осторожно спросил осмелевший Балабакин.

– Бартер? Это ты о чем?

– Я же композитор, Стелла тебе говорила...

– Говорила. Сказала, что ты лузер...

– Нет, я песню написал. Текстовка так себе, а музыка – в перспективе абсолютный хит.

– И что?

– Ну, дорого стоит.

– Зачем она мне, твоя музыка?

– Ну, не тебе, боссу твоему. У вас же звезды на сцене выступают, может, продаст кому...

– Не надо нам. К Сафрону иди, – презрительно усмехнулся Волюнок. – Он звездулек любит...

Сеня уже жалел о том, что завел этот разговор. Есть люди, которые могли бы купить у него песню. Он свободен, ему ничего не стоит отправиться в Москву, встретиться со знакомыми продюсерами. Ситуация в шоу-бизнесе гаденькая – сильный норовит облапошить слабого. И простора для торговли нет. Скажешь, что есть шедевр, предложат в лучшем случае десять тысяч. Дашь прослушать, чтобы убедить в гениальности произведения, но вместо надбавки можно нарваться на кукиш с маслом. В десяти тысячах откажут, вежливо пошлют куда подальше, а через месяц твою песню покрутят в эфире под лейблом другого композитора. Такие варианты, увы, не редкость... Но если не дурить, то можно подняться на десять тысяч, в переводе на рубли это больше чем двести тысяч...

Сеня даже не стал спрашивать, кто такой Сафрон. Все равно не станет обращаться к нему.

– Ладно, пойду я.

– Иди, иди. Только не теряйся. И про ментов забудь... Да, деньги, когда достанешь, Стелле занесешь. И смотри, полезешь к ней под юбку, я тебе руки по самые коки оторву...

Сеня лишь горько усмехнулся. Умерла для него Стелла, даже думать о ней не хочется... И в милицию он обращаться не будет, не станет звонить майору Комову. Ясно же, что у Волынка там все схвачено.

* * *

Агния не решила петь живую, но и в фонограмме голос ее звучал неважно. Она не попадала в ноты, пытаясь мелодично шептать, издавала бездарный хрип. Да и песня сама по себе просто ужасная, в стиле «на одной ноте я пою»... Зато двигалась девушка неплохо и смотрелась на сцене очень сексуально. Фурор она не произвела, но и под залп из гнилых помидоров не попала. Словом, она промелькнула как безликая тень вслед за настоящей звездой, выступавшей перед ней.

Сафрону не было стыдно за свою протезе, но все же он не решился оставаться в совмещенном с казино зале, где находилась сцена. После выступления Агния прошла к нему в ложу с видом на пол-дэнс. Здесь полумрак, здесь их никто не беспокоит, даже Ленусик не сможет их найти.

Агния еще находилась под впечатлением от грандиозного,

по ее меркам, события, еще не потух восторг в ее глазах.

– Тебе понравилось? – ликующе спросила она.

– Очень.

Сафрон не врал. Ему очень понравился наряд, в котором выступала девушка. Короткое облегающее платье в чешуйчатых блестках, такого же белого цвета ботфорты... Очень эротично.

– Как вокал?

– Улет.

– Мне тоже так показалось... А что тебе еще понравилось?

– Все понравилось.

Агния не хотела выходить из образа поющей звезды, поэтому не спешила переодеваться. И ботфорты на ней, и платье с блестками...

– Все понравилось, – понизив голос, повторил Сафрон. – Начиная снизу...

Он пальцами провел по раструбу правого сапога, коснулся ими оголенной части бедра, продолжал движение, пока они не приподняли нижний срез платья... В клубе было тепло, глупо было бы прятать стройные загорелые ноги под колготки. А она девочка смышленная...

– Да, начали мы снизу, – как бы не замечая пикантности момента, вдумчиво сказала она. – Я знаю, запись была плохой, потому что студия никакая. Но теперь на меня обратят внимание серьезные продюсеры...

– Я буду твоим продюсером, – кивнул он. – И мы вместе пойдём все выше, выше, до самых вершин...

Ладонь уже целиком залезла под подол платья, пальцы уже сейчас могли коснуться резинки трусиков. Но их не было... А девушка уже раздвигает ноги. Она знает, как открывать вершины...

Агния уже забралась к нему на колени, когда он увидел девушку, энергично шлифующую шест на ближней к нему площадке для пол-дэнса. Динамитная музыка, убойный драйв. Девушка на взлете. Лифчик летит в толпу, чьи-то похаливые руки набивают купюрами ее трусики.

– Твою мать! – вскипел Сафрон.

Вокруг шеста крутилась Ленусик. Экстра-классный парик под белоснежную блондинку, профессиональный макияж, природная красота, великолепное, отточённое фитнесом тело, бешеная энергетика и потрясающая пластика движений – все это вместе произвело эффект ослепительной вспышки. К тому же Ленусик потрясала своими телесами перед толпой... Сафрон вмиг забыл об Агнии, скинул ее с колен, метнулся в зал.

Но Ленусика на сцене уже не было. Пока он пробивал себе путь к ней через толпу, она успела скрыться за кулисами.

Выход за сцену охранял дюжий паренек с бритой головой, без выступа на подбородке сливающейся с могучей шейей. Сафрон сначала врезал ему кулаком в солнечное сплетение – за то, что пропустил Ленусика на площадку.

– Где она?

Скрюченный от боли парень ответить не смог, показал рукой в сторону выхода. Но Сафрон решил, что Ленусик в общей примерке. Вспугнув стриптизерш, он ворвался в помещение, но свою дражайшую половину там не нашел.

Вскоре выяснилось, что Ленусик прямиком выскочила из клуба, села в машину и уехала. Гнаться за ней Сафрон не стал.

* * *

Сеня возвращался домой. Настроение жалко плещется в сливных отстойниках души. И надо было ему идти в игровой зал, надо было скормить «одноруким бандитам» последние копейки... Завтра даже в Москву не на что будет уехать. Ирка нагрузит, что зарплату задерживают, муж ее Фима подпоет. Прикинутся бедными и еще сами в долг попросят для убедительности. Максимум, чем он сможет поживиться у родителей, – сто рублей: на маршрутку, метро и пирожок с мясом гавкающей свинины или мурлыкающей говядины. А дальше что?.. Не факт, что его гениальное творение купят с ходу на раз-два...

Ночь. Но город не спит. Неоновые вывески, гирлянды разноцветных огней на зданиях казино, клубов, ресторанов, ярко освещенная площадь с еловым сквером, фонтан с ультрамариновой подсветкой. Свежий, увлажняющий ветерок

с Глубокого озера. Роскошные девушки, охотники с деньгами, дорогие машины, зазывающая музыка... Подмосковное Монте-Карло. С деньгами здесь рай...

В тягостных раздумьях он не заметил, что переходит дорогу на красный свет. Но заметил несущуюся на него машину. Правда, было поздно что-либо предпринять во спасение... «Волынок!» – мелькнуло в голове за мгновение перед столкновением. Удар, полет с препятствиями, падение. Но тревожная мысль не погасла вместе с сознанием. Голова болит, левое бедро ноет, в кровь стесана подушечка на ладони, но в целом все в порядке...

Серебристый бегемотистый «Инфинити» остановился в нескольких шагах от него. Из машины выскочила девушка... Сеня забыл про боль, глянув на нее. Губы невольно растянулись в улыбке.

– Чего ржешь, придурок? – беззлобно прикрикнула она.

Балабакин смотрел на нее во все глаза. Роскошные, белые как снег волосы, лицо красотки с обложки глянцевого журнала, изумительное тело. Из одежды – только серебристые стринги. Потрясающе красивый бюст – шедевр пластической хирургии – был совершенно обнажен...

– Это нервное, – нашелся Сеня.

– Нервное?

Похоже, только сейчас до девушки дошло, что на ней нет одежды. Но до паники она не скатилась, просто прикрыла руками обнаженную грудь.

А прохожие уже останавливаются, подходят к машине, глазают. Надо же, авария с человеческими жертвами плюс бесплатный стриптиз. Трудно пройти мимо такого зрелища... Сене показалось, что в толпе мелькнуло чье-то знакомое лицо...

– Ты как, в порядке? – спросила девушка.

Сеня поднялся, прислушался к ощущениям – вроде ничего.

– Нормально.

Но стоило ему сделать шаг, как в ногу – от пятки до самой селезенки – вонзилась раскаленная спица.

– Ой-е! Что-то с ногой...

– Давай в машину.

Балабакин представил, как эта красотка входит в роль фронтовой санитарки, закидывает себе на плечо его руку, своей – обнимает его, помогает идти «раненому бойцу». А его рука как бы невзначай опускается ей на грудь...

Но девушка разрушила его иллюзии. Она просто села за руль своей машины, сдала назад, а в салон ему пришлось влезать самому.

Она опустила спинку своего сиденья, извернувшись, встала на четвереньки, левым к нему боком, подлезла к багажному отделению, зашуршала пакетами. Сене было неловко, он даже пытался отвести взгляд от ее полупопий, правда, из этого ничего не выходило. Задняя ниточка стрингов такая тонкая...

Девушка достала из багажника шелковый халатик, изловчившись, оделась, вернулась на место, подняла спинку сиденья.

– Часы у тебя не встали? – спросила она, спуская с тормоза поставленную на скорость машину.

– Часы?! – Сеня обескураженно глянул на свою швейцарскую «Омегу». – Нет, идут...

– Да я не про эти часы, придурок, – усмехнулась девушка.

– Почему придурок?

– Потому что самоубийца. Какого черта под машину бросаешься?

– Да нет, я не бросался. Просто шел... Ну, голову отключил.

– Признаешься, что голову отключил?

– Ну да... А зачем тебе?

– Мало ли что, вдруг в суд на меня подашь...

– Это не важно, отключил я голову или нет. Автомобиль – источник повышенной опасности. Виноват всегда водитель.

– Какой ты умный.

– В тюрьме научили, – озорно улыбнулся Сеня.

– В тюрьме? – оторопело посмотрела на него красавица.

– Ну не совсем тюрьма. Изолятор временного содержания.

Пять суток держали, сегодня вышел.

– За что держали?

– Да за то же самое. Женщину сбил. Вот точно так же, как ты меня. Она дорогу на светофор переходила, я ее сбил.

Сейчас она в больнице, с переломами... И мне в травмпункт надо, может, перелом у меня...

– Да ладно тебе, шутник, – в сомнениях, неуверенно отмахнулась от него девушка.

– Ну, я не знаю, может, и нет перелома. Может, всего лишь ушиб. Но все равно больно...

– Я не про это, я про женщину... Что, правда кого-то сбил?

– Сбил.

Он врал, но лишь для того, чтобы избавить девушку от ненужных подробностей. Не интересно ей будет слушать про какого-то Волынка, про сговор с ним. Сеня говорил неправду, а для этого требовалось особое вдохновение, и оно снизошло на него, выдернуло кость из языка.

– И что?

– Верховный суд вселенской инспекции безопасности дорожного движения постановил – три года расстрела, и никаких гвоздей... – Голос его звучал бойко, слова бодро выстраивались в текстовый ряд. – Это было жестоко и несправедливо, мне страшно об этом вспоминать... Да, меня уже и расстреляли. Тело в земле, душа на воле. Но ты не волнуйся, через три года тело воскреснет, соединится с душой...

– Ты точно придурок, – осадила его девушка.

Видимо, уши у нее были скользкими, лапша не висла на них...

– Может быть, но голым по ночам на джипе не езжу.

– Это мое дело, в каком виде по ночам ездить.

– Знаешь, если бы я был женщиной и у меня была бы такая грудь, я бы тоже голышом ходил. Но только по ночам, как ты... А куда мы едем?

– В больницу. Будем делать из тебя женщину. Не бойся, тебе не больно отрежут...

– И силикончика в грудь закачают? Адресок своего пластика не подскажешь?

– Имбецил... На моего пластика у тебя денег не хватит.

– А ты что, богатая?

– Не жалуясь.

– А как насчет моральной компенсации?

Девушка остановила машину так резко, что Балабакин едва не выбил головой лобовое стекло.

– Сколько?

– Ну... Двести тысяч... В рублевых...

– А ты фрукт! – презрительно усмехнулась она.

– Да нет, тут такое дело... Деньги край нужны... – промямлил Сеня.

Деньги ему действительно были нужны – он не врал. Может, потому язык потяжелел, вдохновение сложило крылья... К тому же не хотелось выглядеть сквалыжным животным в глазах этой красотки.

– Ладно, в больницу отвезешь, там посмотрим. Если перелом, то тысяч десять отстегнешь, в рублевых. Если нет, прощаю...

– Жлоб!

Девушка снова повела машину.

– Зачем тебе деньги? – все так же отчужденно, но уже чуть мягче спросила она.

– Говорю же, женщину сбил, а она компенсацию требует, – солгал Сеня.

– Врешь.

– Нет.

– Я вранье за три версты чую. Муж у меня такой, с ним нюх остро держать надо...

– Муж?!

Он демонстративно посмотрел на пальцы ее правой руки.

– Что, кольца нет?.. – усмехнулась она. – Кто ж стриптиз с обручальным кольцом танцует...

– Ты стриптизерша?

– Поневоле... – мысленно погружаясь в омут своих проблем, сказала она. – Муж загулял, я ему отомстить решила, на шест полезла. Он за мной, я от него... Злится, значит, ревнует...

– Если ревнует, значит, любит.

– Любит. Но все на сторону норовит. В этот раз с певичкой закрутил... Видел бы ты ее. Смех. А поет, слышал бы ты. Сэр гей Зверев и то лучше поет. Ни голоса, ни слуха, и песня отстой... Кто-то поднимает ноги, чтобы за сцену забраться, а кто-то раздвигает. Эта раздвигает... Думает, Сафрон дальше толкать ее будет...

– Сафрон? Кто такой Сафрон?.. Слушай, а куда мы едем?

Больницу же проехали...

– В Москву едем, там больницу найдем. Сафрон ищет меня, может узнать, что я человека сбила, с собой взяла. Куда он первым делом поедет?

– В больницу, в нашу, битовскую...

– Извини, что имбецилом назвала. Ты нормальный, умный, но жлоб.

– Уже лучше.

– Извини, что говорю, то и думаю...

– Значит, Сафрон – твой муж.

– Если дальше так пойдет, то скоро я назову тебя гением.

– Прикальываешься? Ну-ну... А он вообще кто, твой Сафрон?

– Тоже решил приколоться? – не отрывая взгляда от дороги, усмехнулась она.

– Нет.

– В Битове живешь и не знаешь, кто такой Сафрон...

– Да как-то не вдавался... Я в Москве больше, чем здесь, после школы в Чайковке учился.

– В консерватории?

– Ага. Учился, да недоучился.

– Чего так?

– Таланта не хватило... Зато я музыку могу сочинять.

– Поздравляю.

– Нет, я серьезно. Зарабатываю на этом. Мои песни, чтоб

ты знала, на радио звучат, в лучших номинациях... То есть звучали... А твой муж что, певицу раскручивать собирает-ся? – в раздумье спросил он.

– А ты что, помочь ему хочешь? – язвительно усмехнулась она.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Вообще-то мне говорили про Сафрона...

– Кто?

– Да не важно. Сказали, что Сафрону может быть нужно...

– Что нужно?

– Я же говорю, музыку сочиняю. Композиция у меня есть, настоящий шедевр.

– Это ты так думаешь, что шедевр? – заинтересованно спросила она.

– Не думаю, знаю. Совершенно в том уверен...

– А продюсер у тебя есть?

– Нет, мне продюсер не нужен. То есть нужен, но не я, а они от меня зависят. Я им песни свои продаю, ну, если им понравится...

– А может, и не понравится.

– Эта понравится.

– И кому ты ее продашь?

– Думаю, думаю...

– Значит, есть кто-то на примете?

– О! Там такие акулы, что самому страшно!

– Мне акула не нужна, мне бы просто щуку. Так, в реке

немного поплавать...

– Да, но в реке тоже парус нужен. Без хита далеко не уплывешь... А ты что, певицей решила стать?

– Ну вот, ты уже почти гений... Муж мой певичек любит. Вот и я запою... Только в руки ему не дамся, пусть не рассчитывает...

– А мне на что рассчитывать?

– И с тобой не лягу, – невозмутимо, как о чем-то приземленном и обыденном, сказала она. – Даже не надейся.

– Да я не о том... Песня тебе нужна?

– Твоя? Нужна. Если это хит.

– Она денег стоит.

– Сколько? Двести тысяч?

– Если в рублях, то нет...

– Ну не двести же тысяч долларов.

– Пятьдесят тысяч. Евро.

– Ух ты какой! А оно того стоит?

– Слушать надо. Инструментальный набросок у меня дома. Поехали?

– А как же нога?

– Потом. Все потом.

Нога болела, но Сеня уже не мог думать о ней. Он вдруг ощутил уверенность, что незнакомке понравится его композиция и в цене они сойдутся...

Глава 5

Джип резко затормозил у подъезда крупнопанельной многоэтажки. Сгорбленная старушка с крючковатым носом возмущенно махнула рукой.

– Вот дура, – хмыкнул Боб. – До нее пять метров, а она машет...

– Все равно страшно, – рассудительно сказал Сева. – А вдруг бы не затормозил...

– Старушкой больше, старушкой меньше...

– Васек тоже так думал, а сейчас под следствием.

– Нехорошо как-то получилось, – обращаясь к Севе, поморщился Матвей.

Водитель был для него слишком мелкой сошкой, чтобы якшаться с ним.

– Менты наехали, а мы пацана подставили...

– Ничего, отмажется, – небрежно мазнул рукой Сева. – Он гаишникам с ходу забашлял, те даже закрывать его не стали... Правда, он дурку включил, на терпилу наехал. Машину у него забрал, на счетчик, говорят, поставил...

– На то он и терпила.

– А если ментам стукнет?

– Да класть на них я хотел, – как от кислоты скривился Матвей.

Ему было стыдно за тот страх, который нагнал на него

Степан Круча. И горько было осознавать, что пришлось пойти у него на поводке – отдать на растерзание своего пацана. Не по понятиям это... Обидно, стыдно, досадно. Но и воевать с битовскими ментами себе дороже.

– Ну что, пойдём?

Сева первым вышел из машины, Матвей за ним.

Старушка с клюкой уже сидела на скамейке перед подъездом.

– И ходят тут!

– Здорово, бабуля! – приветливо улыбнулся ей Сева.

Он умел растягивать свою душу в добрую гармонию. Рубаха-парень, умный, рассудительный... И не поверишь, что знатный головорез...

– Как дела? Как пенсия?

– Ох, пенсия! – растрогалась старушка. – Плохо, соколик!..

Она готова была продолжать в том же духе, но Сева сунул ей в руку тысячную купюру.

– Это тебе не скучать, старая! – задорно подмигнул он и продолжил путь.

Боб стоял у машины, смотрел по сторонам. Сева шел в авангарде, он сейчас в роли телохранителя. Но ничего не случилось – Матвей беспрепятственно поднялся на четвертый этаж. Дверь в угловую квартиру была уже открыта, на пороге стоял улыбающийся Генчик. Вихрастый, глазастый, скуластый и ушастый. Чахоточный цвет лица, длинные руки с мо-

лотобойными кулаками, широкая, но впалая грудная клетка. Человек, которому Матвей доверял больше, чем всем швейцарским банкам, вместе взятым.

Он впустил гостей в дом, закрыл дверь и только затем обнял Матвея.

– Братан!

– Братуха!

Как будто сто лет не виделись.

Генчик был бессменным казначеем бригады. Все шло через него – золото, деньги, камни.

– Где твоя красавица? – оглядевшись, спросил Матвей.

– Гулять ушла. Я же знал, что ты приедешь...

– Как поживешь?

– Да как в раю... Всю жизнь мечтал ничего не делать...

Если так, то мечта Генчика сбылась. Здесь, в Битове, он занимался только тем, что хранил казну – неотмытую часть наличности, неоприходованное золотишко и камушки. Как тот Кощей чах над сокровищами...

В счет былых его заслуг Матвей купил ему четырехкомнатную квартиру; ремонт, обстановка по высшему разряду. Бабу Генчик нашел сам, жил с ней в полное свое удовольствие. К делам клуба он не имел никакого отношения, но долю с оборота получал исправно, девку свою в шелка одевал. И даже бриллианты ей дарил, но из магазина. Из общака ни в коем разе.

– Лизка твоя про наши дела не пронюхала? – снимая с

лица дружескую улыбку, подозрительно посмотрел на него Матвей.

– Нет, ну что ты. Все за семью печатями...

– Снимай печати.

– Не вопрос.

Генчик провел гостей в самую маленькую комнату в своей квартире, это был своего рода сейф. Бронированные стекла, вмурованные рамы, усиленные стены, стальная дверь с кодовым замком. В самой комнате была создана видимость рабочего кабинета – офисный стол с компьютером, книжный шкаф, кожаный диванчик.

Книжный шкаф отошел в сторону, обнажая широкую дверцу вделанного в стену сейфа. Генчик вскрыл его, долго копался, наконец выложил на стол один кейс, затем второй, третий... Евро, доллары, рубли, золотые слитки. И небольшая коробочка с алмазами разной весовой категории – от двух до тридцати карат.

Необработанные алмазы имели невзрачный вид, тусклые, цвета молочной сыворотки. Но магической силы в них не меньше, чем в бриллиантах, в которые они когда-нибудь превратятся. От какого-то умника Матвей слышал, что алмазы притягивают к себе любовь, защищают от сглаза, продлевают жизнь, укрепляют дух и даже мужскую силу. Так это или нет, одно он знал точно – алмазы притягивают к себе душу, и если отбирают ее, то могут взамен даровать дьявольскую удачу.

Первый добытый им алмаз имел вес сорок восемь карат. Крупный и красивый от природы камень, форма естественных граней которого была близка к совершенству. Этот алмаз и забрал его душу, даровав сверхъестественный фарт.

Тот алмаз он давно продал. Зато сейчас в коробочке, затмевая своих собратьев, находился не менее крупный экземпляр, бриллиант чистой воды, фантазийной огранки «маркиз». Красивый и печальный, как олений глаз... Матвей с трудом удержался от искушения забрать камень с собой...

Шесть лет он занимался разбоем, грабил и убивал, грел руки на крупных и мелких старательских артелях, у него были даже собственные прииски. За ним охотились менты и обиженные бизнесмены, за ним гонялись федералы и карательные бригады частных структур, но из всех передраг он выходит невредимым, а зачастую менялся с охотниками ролями, загоняя их в угол и нещадно уничтожая. Его сто раз могли убить, но мертвы его враги, а он здесь, в спокойной Москве, наслаждается мирной жизнью.

Но не все еще покончено с прошлым. Из якутской тундры его выдавили конкуренты, но в колымской тайге у него еще осталась своя территория; бригада там, наместник, старательские артели моют золото... С камнями все, контрабандных партий больше не будет, а драгоценный металл в Битово поступает исправно. Есть и проверенные покупатели, к которым скоро уйдет хранимое Генчиком золото. Спешить смысла нет, клуб уже работает на полных оборотах, деньги

крутятся, золото со временем уйдет, а камушки пусть ждут, когда Матвей найдет возможность облагородить их бриллиантовой огранкой...

Матвей не поленился, пересчитал все камни, слитки, деньги.

– Порядок.

– Как в аптеке, – улыбнулся Генчик.

Его не обижала подозрительность босса. Он и сам проповедовал принцип «доверяй, но проверяй».

– Точно твоя Лизка ничего не знает? – еще раз спросил Матвей.

– Нет. А что? – забеспокоился казначей.

– Да ничего. Так спросил... Если вдруг пронюхает, сам знаешь, что делать.

– Знаю, – помрачнел Генчик. – Потому и не пронюхает. Люблю дуру... Если ее в могилу, то и меня следом...

– Как скажешь, брат, – недобро улыбнулся Сева. – Если она узнает, то и ее, и тебя... Шучу.

Он сказал об этом зловещим тоном, и любому стало бы ясно, что это не шутка.

* * *

Стелла не скрывала неприязни и дверь лишь приоткрыла.

– Ну чего?

– Деньги принес, – глядя на нее исподлобья, насторожен-

но сказал Сеня.

Ему казалось, что сейчас из глубин квартиры вынырнет Волюнок, схватит его за грудки, подвесит за ногу, как Бура-тино, чтобы вытрясти из него «пять золотых».

У него с собой было всего двести тысяч, остальная часть добычи была надежно спрятана, Вася-Базилио не догадывался о ней, но все равно было боязно.

– Ну, тогда заходи! – вмиг подобрела Стелла.

Широко распахнула дверь, свободной рукой показывая на кухню.

– Ты одна? – спросил он.

– Нет. Подруга.

– Кто? Я ее знаю? – спросил Сеня для того, чтобы заполнить возникшую паузу.

– Нет, эта из новых...

Когда-то у него со Стеллой был роман. Когда-то... Взгляд его невольно лизнул нож, более похожий на охотничий, нежели на кухонный. В такую кабалу попал из-за этой стервы. Чикнуть бы ее по горлу и в мусоропровод, пусть знает, как людей на деньги разводить...

Балабакин вытянулся в лице от удивления. Его изумила не сама мысль, а то, что он ее не испугался. Неужели он смог бы полоснуть человека ножом по горлу?

– Что с тобой? – подозрительно покосилась на него Стелла.

– Да так... Деньги вот...

Он достал из кармана куртки две пачки, по сто тысяч рублей в каждой.

– Пересчитай.

– И пересчитаю...

Стелла села за стол, сняла резинку с одной пачки, пальчиками отделила одну купюру, вторую, третью...

Сеня смотрел на нее с укором. Симпатичная девка, одевается хорошо, но все равно вид у нее какой-то затасканный, как будто все Васины друзья с ней перебивались.

– Стелла, ты скоро? – послышалось из сумрака прихожей.

На кухню зашла девушка лет двадцати. Пышные прямые волосы темно-русого цвета, большие синие глаза, изящный носик, большой рот, пухлые губы. Кожа нежная-нежная, наверняка приятная на ощупь, легкий румянец на щеках. Прямо чудо какое-то... Одно могло испортить впечатление – ее пампушная полнота. Могло, но не портило.

Не было и намека на нездоровую тучность, потность, обрюзглость, обвислость. Сочная полнота, свежая, упругая... Сене вдруг захотелось потрогать эту пышную красоту, облапать, обнюхать...

Шелковый сарафан свободного покроя и модной расцветки, шикарные сережки с брильянтами, на шее жемчужное ожерелье. И пахло от нее дорогим парфюмом.

– Да погоди ты! – не отрывая глаз от купюр, шикнула на нее Стелла.

– Ну вот, и здесь деньги, – разочарованно вздохнула де-

вушка.

И с интересом посмотрела на Сеню.

– А ты кто? – простодушно спросила она.

– Почтальон. Пенсию принес.

– Хорошая пенсия... А я Лиза!

Она беззастенчиво протянула ему руку; на уровень живота, ребром ладони вниз – значит, для легкого пожатия. Совершенной формы ладонь, изящные длинные, как у пианистки, пальцы, электризирующая нежность кожи, волнующее тепло... Сеня сделал над собой усилие, чтобы не поцеловать ей руку.

Не поцеловал, но непозволительно передержал ее ладонь. Впрочем, этим он лишь вызвал кокетливую улыбку и шаловливую искорку в ее глазах. Похоже, он понравился ей.

Кажется, Стелла угадала, о чем думает Лиза.

– Аэлита, не приставай к мужчинам!

– Я не Аэлита!

– Какая разница?

– Стелла шутит, – обращаясь к Лизе, с похотливой хитринкой в уголках губ сказал Сеня. – Фильм есть такой, старый, про Аэлику...

– Да? Я не знала...

– Так, с деньгами все в порядке, – возвестила Стелла. – Гуляй, Сеня!

– Даже не спросишь, где я их взял?

– Васек тебя спросит. Если на глаза ему попадешься. Не

любит он тебя, Сеня, честно я тебе говорю. Ехал бы ты в свою Москву.

– И поеду.

– Чухай, чухай!

– Стерва ты.

– Знаю, – фыркнула Стелла.

Сеня и сам был бы рад поскорей покинуть этот дом, если бы не Лиза. Приворожила его эта милая пышка, не хотелось от нее уходить. Но ведь можно было дождаться ее и на улице...

Он сел на скамейку под козырьком у подъезда. Ждать пришлось недолго, минут пять, не больше. Лиза явно куда-то спешила, но, увидев его, забыла о том. Улыбнулась, обнажая ровные белые зубы.

– Ой, а я за тобой! – вырвалось у нее.

Лиза не могла видеть его из окна квартиры, потому что у Стеллы все комнаты выходили на другую сторону дома. Не видела она, что Сеня сидел на лавочке, потому и была в смятении.

– Как за мной?

– Никак! – спохватилась она.

В смущении опустив глаза, сказала:

– Домой мне надо.

– Далек живешь?

– А что, проводить меня хочешь? – кокетливо замялась она.

она.

– Если тебя ждал, значит, хочу...

– Так ты меня ждал! – расцвела Лиза.

И вдруг поджала губки, взгляд потух.

– Дома у меня муж, – с нескрываемой досадой сказала она.

– Плохо. Ждет?

– Нет, к нему друзья пришли, занят он... И Стелла занята... Все чем-то заняты, одна я без дела болтаюсь... Хочешь, по городу покатаемся? – оживившись, спросила она.

И взглядом показала на новенькую «Хонду» темно-синего цвета.

Сеня улыбнулся. То одна женщина с машиной, то другая... С Еленой Павловной он заехал далеко. На секс раскрутить ее не удалось, зато на деньги разжился. Правда, пятьдесят тысяч он от нее не получил. Она заявила, что больше двадцати пяти не даст, но после упорных торгов подняла планку до тридцати. Деньги он взял наличностью. Еще две тысячи ему перепало за то, что свел ее с продюсером. На том их отношения и закончились, хотя Сеня и не прочь был их продолжить...

– Зачем кататься? – с напускной небрежностью сказал он. – Можно поехать ко мне, в Москву. Там у меня уютное гнездышко, музыку послушаем...

Пару недель назад он съехал со съемной квартиры, сейчас она пустовала, но вселяться обратно Сеня не захотел. Жилье приличное, с обстановкой, но он задолжал за два месяца. Хозяин в отличие от Волынка с ножом за ним не бегал, в суд

вроде бы не обращался, так что зачем отдавать долги, если можно было снять новую квартиру. Так он и поступил.

– Далеко? – зарделась Лиза.

– Не очень, но пробки... Пару часов туда, пару обратно...

– Слишком долго. Мне через два часа дома надо быть...

– Можно к озеру съездить. Я знаю одно укромное место.

Если, конечно, его не застроили...

– Укромное? Зачем нам укромное?

– Ну как зачем?

Сеня опустил голову, красноречиво провел взглядом снизу вверх по ее сарафану. Он очень хотел избавить ее от одежды и не скрывал этого.

– Так сразу? – еще больше покраснела Лиза.

– Да.

– Так сразу, и так просто...

Ее жеманная улыбка указывала на то, что и она в душе кричит «да!». Но все же слышалось в ее голосе осуждение.

– Да, все очень просто, – неотрывно глядя на нее, с хитрецей закинувшего сети рыбака сказал Сеня. – Просто ты мне очень нравишься. А у меня есть один недостаток – если девушка мне очень нравится, то я говорю ей все, о чем думаю. Если я хочу тебя, то так и говорю. И ничего не могу с собой поделать...

– Это у тебя такой недостаток? – с той же хитринкой улыбнулась Лиза.

– Ну, если ты считаешь, что это достоинство, то я не про-

тив...

– И я не против, – решаясь, сказала она. – В конце концов, я не девочка... Поехали.

Всю дорогу она молчала, стараясь не смотреть на него. На щеках стыдливый румянец, длинные ресницы подрагивают, губы в беспокойном брожении, пышная грудь учащенно вздымается... И он молчал: боялся неосторожным словом испугнуть ее непристойный кураж.

Она сама нашла дорогу к озеру, сама вывезла его на прогалину в прибрежном лесу, в пространстве между обжитым и еще только строящимся коттеджным поселком. На удивление чистое место, не загаженное, трава высокая, но если постелить покрывало... А покрывало было, в багажнике машины. И даже подушка. Сеня деликатно промолчал, не стал спрашивать, чей это джентльменский набор. Ему без разницы, сделает дело, и тю-тю, в Москву. А Лиза будет жить дальше без него...

– Отвернись! – пряча глаза, сказала она. – Я разденусь.

Просьба ее могла показаться нелепой. Зачем отворачиваться, если, раздевшись, она не залезет под одеяло, не спрячет свою наготу. Но тем не менее Сеня повиновался, а когда повернулся к ней, она уже лежала – скрестив длинные полные ноги, закрыв руками объемный бюст. Глаза закрыты, голова повернута в сторону... Она ждала его, напуганная собственной смелостью.

Зато он ничего не боялся и отважно ринулся в бой...

Исходные позиции, окапывание, переход в наступление. Не думал он, что с пышной девушкой может быть так хорошо... Музыка вольной любви. Нежная прелюдия, медленное анданте, стремительное аллегро, танцевальный менуэт и быстрый взрывной финал...

В отрадном бессилье Сеня опрокинулся на спину, немощно раскинул руки. Казалось бы, все закончилось, он должен рухнуть на бrenную землю, но полет продолжался. Видимо, падая с высоты седьмого неба, он пролетал над горой Геликон, где перебирала струны своей лиры вдохновляющая муза. Она подхватила его, не позволив упасть, и теперь они вместе парили над землей...

Лиза мягко тронула его за плечо, нежно спросила:

– Ты живой?

Он поднял руку, призывая ее помолчать.

– Там-пам-там-пам-там-пам-пам...

Он слышал, как звенят струны, как рыдает саксофон, как гремят барабанные тарелки... Он слышал музыку. Новую, собственного сочинения музыку...

– Да что с тобой? – забеспокоилась Лиза.

Не обращая на нее внимания, Сеня потянулся к своим джинсам, снял с пояса мобильный телефон, включил режим диктофона, напел рожденные мотивы. Пока что это – мокрые неотесанные бревна. Сырой материал, но он есть. Обработка, рубка, постройка – все это техническая сторона процесса. Были бы бревна, а дом будет...

– Может, все-таки объяснишь, что происходит? – встревоженно спросила Лиза.

Она была уже одета, сидела на сиденье машины, опустив на землю полные, но при этом длинные и стройные ноги.

– А ты не поняла? – весело подмигнул ей Сеня.

Он был счастлив. И вдохновенье на него снизошло и сочные плоды оставило. В диктофон мобильного был заложен остов будущего хита...

– Стелла не говорила тебе, чем я занимаюсь?

– Нет... Я вообще мало ее знаю.

– Композитор я. Сочиняю музыку. Мы с тобой только сегодня легли, а ты уже родила... Да, родила, музыку... Слушай, а может, ты моя муза? – задумался Балабакин.

Да, она хороша, да, она вдохновляет – возможно, не только на эротические подвиги... А вдруг?

– И что?

– А то, что теперь придется тебе быть со мной.

– Я хочу... Ты мне очень нравишься...

Лиза обожающе смотрела на него. Она могла бы выглядеть счастливой, если бы не тоска в глазах – еще отдаленная, но уже надвигающаяся, как дождевая туча.

– Ты мне тоже... Значит, сейчас мы едем ко мне домой, – решил Сеня.

И дома он сядет за синтезатор, обтешет и склеит в мелодию самосозданные мотивы. Потом он снова ляжет с Лизой, глядишь, снова родится благозвучный напев...

– Я же говорю тебе, муж у меня. И мне уже домой пора.

– Да, муж – это серьезно... Но с ним же можно развестись.

– И ты женишься на мне? – спросила Лиза.

– Э-э, ну, не сразу...

– Уложил ты меня в два счета, а как жениться, так не сразу... Да и не сможешь ты жениться. Муж мне развод не даст. Очень-очень любит. Убить может, а развод дать – нет...

– А кто его спрашивать будет? Главное, чтобы ты решилась...

– А чего решаться, мы же не расписаны и в церкви не венчаны. Гражданский брак.

– Тем более.

– Не все так просто... Если я уйду к тебе, Гена убьет нас обоих.

– Он что, крутой?

– Да... Он бандит...

Только сейчас до Сени дошло, какую глупость он совершил. Видимо, своим появлением Лиза перевела его сознание в область на метр ниже головы. Не тем он местом думал, когда тащил ее в кусты... А мог бы догадаться, что Лиза гостила у Стеллы не просто так. И одна с бандитом спит, и другая в том же дерьме...

– Это меняет дело, – заробел Сеня.

Хватит с него Волынка с его шахер-махерами...

– Ты что, испугался? – расстроилась Лиза.

– Нет. Просто я подумал: если твой муж тебя любит, то я

не имею права препятствовать вашему счастью...

– Нет никакого счастья. Не люблю я его.

– И часто ты это делаешь?

– Что я делаю? – спросила она.

– Ну, едешь сюда. Покрывало у тебя в багажнике...

– Ты об этом? Думаешь, я здесь лебядую?... – возмутилась

Лиза. – Да, иногда бываю здесь. С Геной. Он дома сиднем сидит, ни на какие курорты ехать не хочет. Хорошо, если сюда удастся его вытащить... Он дом строит, на берегу озера.

Как построит, так никаких покрывал в багажнике не будет...

Слушай, а чего я тут перед тобой распинаюсь?

Она села за руль, завела мотор, и, если бы Сеня не успел запрыгнуть в машину, она бы уехала без него.

– Не злись, – обескураженно попросил он.

– Я не злюсь, – презрительно усмехнулась она. – Я радуюсь. Хоть раз в жизни удовольствие получила... Ничего, запру этот день в памяти и буду жить дальше.

– Что, плохо так с твоим Геной?

– Хуже некуда... Он меня любит, а я его нет. Он жить без меня не может, а я света с ним не вижу... И уйти не могу...

Да ты не думай, я на тебя не обижаюсь. Правильно, не надо с ним связываться. Так спокойней будет, и тебе, и мне...

– А он Василия знает? Ну, который со Стеллой.

– Да, знает. Он к нам приходил с ней, мы познакомились. Но Стелла меня не любит. Потому что ее Вася мелкая сошка по сравнению с моим Геной... А мне все равно, какой он,

крупный или мелкий, лишь бы счастье было...

– А сама ты откуда?

– Из Валдая. Гена туда к другу ездил, два года назад. Увидел меня, влюбился, увез... А я с ним здесь как в тюрьме...

– Ну почему в тюрьме? И машина у тебя, и ездить можешь куда хочешь...

– Не могу. Это его машина. Он меня учил ездить, но саму редко куда пускает. Когда друзья к нему приходят, тогда и отпускает. Мне с ними нельзя, у них дела... Как будто я не знаю, что там у них... Да мне Гена все рассказал...

– Что рассказал?

– Да ничего... Забудь обо всем, ладно? Не было меня, встряхнулись и разбежались...

– Ну да, ну да...

– Что, правда разбежимся? – чуть не плача, спросила она.

– Ну, если ты хочешь.

– Не хочу я! Влюбилась я в тебя, неужели не видно?

– Э-э, ну...

– Легла бы я с тобой, если бы не влюбилась... Неужели я на лебядь похожа?

– Да нет...

– Все, забудь, не было ничего...

Она молчала всю дорогу. И лишь когда машина остановилась около его дома, чуть ли не с мольбой сказала:

– Может, хоть позвонишь?

– Ну, если есть номер телефона...

– Есть, конечно... Но лучше я тебе позвоню, ладно?

Лиза боялась мужа, но еще страшней было потерять Сеню.

А ему не хотелось терять жизнь...

Она уехала, а он отправился домой.

Мама жарила котлеты, пахло гнилым луком, прогорклым салом и подгорелым маслом. Раньше она готовила хорошо, но сейчас у нее со зрением неладно, дальше вытянутой руки ничего не видит. Да и деньги на хорошее мясо экономит, суррогат какой-нибудь купит – и в мясорубку. А если не поспуится, то в магазине или на рынке обманут. Отцу не до ее забот, у него на уме только водка. Сестре вообще ничего не надо, она и муж допоздна на работе, вместе уезжают в Москву, вместе приезжают. «Почему продукты не купили?» – «Так не голодны, на работе обедали, на обратном пути перекусили». Но если будет что в доме пожевать, все сметут и не поморщатся... Так и живет семейка. В маленькой двухкомнатной квартире. Потому и не хочет Сеня здесь оставаться.

– Витя! Ты?

– Не, мама, это я...

– Ты еще не уехал?

– А что, пора? – язвительно спросил он.

– Не знаю. Кушать будешь?

– А надо?

– Как знаешь...

– Тогда не хочу.

Говорят, что матери больше любят сыновей, притом младшеньких, отцы – дочерей. Но в их семье все было не так. Старшая сестра Ира была вне конкуренции, а Сеня всегда оставался в ее тени... Впрочем, мама все равно его любила. И будет плакать, если его убьют...

Сеня почувствовал, как к горлу подкатил ком, слезные мешочки предательски наполнились. Самому вдруг захотелось плакать. Мало было ему Волынка, нет, еще более крутого Гену к своим невздам добавил. Наставил бандиту рога, ими он его и забодает... Вот признается ему сейчас Лиза, с кем была... А где он живет, она знает. И номер его телефона у нее... Ну не идиот!..

– Мам, я поеду!

Он оставил ей немного денег, пусть помнит его доброту, может, сама в черный день поможет. Закинул на плечо сумку, спустился во двор, поймать такси дело не хитрое... Но поймали его самого. Он увидел, как перед ним остановился темно-серый «Гелендваген», но даже дернуться не успел, как оказался в машине... «Это Гена!» – пронеслось в перебудораженном сознании.

Глава 6

Агния рыдала, размазывая тушь по лицу.

– Ну почему? – хлюпнув носом, спросила она.

– Потому что ты меня достала, – безжалостно отрезал

Сафрон.

– Но ты обещал!

– Что я обещал, то я сделал! Спела разок, и хватит!

– Но я же послушная...

– Знаешь, сколько таких послушных вокруг?..

– Но я не такая! – билась в истерике Агния.

– Такая!.. Танцуешь ты неплохо, могу в стриптиз устроить. А что?

– Да как ты смеешь!

– Все, свободна!

Сама она уходить не хотела, поэтому охранникам пришлось выносить ее из кабинета на руках.

Сафрон и не прочь был бы продолжить с ней отношения, но Ленусик своей сумасбродной выходкой навесила на них жестянку, белый круг с красным ободком. «Движение запрещено». Не мог он больше ни о ком думать, кроме как о ней. Любил он стерву, очень... Да и не стерва она, если уж на то пошло. Сам он стервец. Жена – лучше не бывает, а он как последний кобель...

Ленусик пропала бесследно. Ее искали, но...

Зазвонил телефон, Сафрон снял трубку. Звонил начальник личной охраны.

– Алексей Викторович! Пацана нашли.

– Где он?

– В сауне. Тулуп уже приготовили...

– Он что, ничего не говорит?

– Да мы и не спрашивали, вас ждем.

Сафрон спустился в сауну, где в трапезной ждал его трясущийся от страха парень.

– Как зовут тебя? Сеня?

Тот отчаянно кивнул, стукнувшись подбородком о грудь.

– Ты чего такой напуганный, Сеня? – спросил он.

– Да нет, ничего... – зубами отстучал тот. – Только не убивайте...

Сафрон смекнул, что дело нечисто.

– Не убьем. Если честно скажешь, что спал с ней.

– А если нечестно? – обморочно спросил парень.

– Тогда убьем. Считаю до одного. Три, два...

На счете «один» Ядреныч взвел курок пистолета.

– Спал! – выпалил Сеня.

– И что мне с тобой делать? – багровея, рыкнул Сафрон.

Ленусика по горячим следам найти не удалось, зато чуть позже выяснилось, что в двух кварталах от «Реверса» она сбила какого-то парня. Выскочила к нему голышом, увезла... Долгие поиски привели спецов к человеку, который не только видел эту сцену, но и узнал парня. Арсений Балаба-

кин, или просто Сеня. И адрес нашелся...

– Алексей, можно? – для убедительности спросил Ядреных.

И приставил к голове парня пистолет.

– Алексей?! – взвизгнул Сеня. – Точно, Алексей?

– Ты чего горланишь, баран? – надвинулся на него Сафрон.

Парень рефлекторно подался назад, споткнулся, упал.

– А Гена где? – поднимаясь, пробормотал он.

– Какой Гена?

– А Лиза?

– Какая Лиза? Ты что несешь?

– Я с Лизой спал... А вы кто?

– Сафрон я...

– Сафрон?! – Парень облегченно перевел дух.

– Я не понял, ты чему радуешься? Лена моя где?

– Так бы сразу и сказали, а то спал – не спал...

Сафрон не выдержал, схватил парня за грудки, заорал ему в ухо:

– Я спрашиваю, где она?

– С Брянцевым она.

– С кем?

– Продюсер такой, фамилия Брянцев... Она певицей захотела стать, а я ее с Брянцевым свел...

– Ты ее с кем-то свел? – взвыл Сафрон.

И с силой отшвырнул Сеню от себя. Он спиной налетел

на стол, лег на него, перевернулся вместе с ним, упал на пол. Встал, вжимая руку в поясницу, на лице гримаса боли, на ухе прилипшая салфетка с цветочком.

– Что за продюсер? – Ревность двумя руками держала Сафрона за горло.

– Говорю же, Брянцев. Его еще мало кто знает, но он очень толковый...

– И моя Ленка с ним?

– Да вы не подумайте ничего... Во-первых, Брянцев голубой... Вернее, это во-вторых, – поправился Сеня. – А во-первых, ваша супруга ни с кем не захочет, это я вам точно говорю. Я пытался... э-э... – спохватившись, проблеял он.

– Что ты пытался, козел? Я узнаю, если ты хоть пальцем ее коснулся!

– Нет, нет, ни пальцем, ничем...

Сафрон раздул легкие до боли в груди; призывая себя к спокойствию, медленно выдохнул из них воздух.

– Так, давай по порядку...

Он снова схватил парня за грудки, но только для того, чтобы усадить на скамью. Ядреныч поставил на место стол, и Сафрон отправил его за пивом.

– Жарковато что-то здесь, – миролюбиво сказал, обращаясь к Сене.

– Жарко.

– Точно у тебя с Ленкой ничего не было?

– Нет. А вы не говорите ей, что спрашивали меня об этом.

– Почему?

– Мне кажется, ей это не понравится. Мне кажется, она заслужила, чтобы вы ей доверяли...

– Не понравится? – Сафрон вспомнил момент, как однажды Ленусик пыталась вцепиться ему в волосы.

Он тогда брился почти налысо, и у нее ничего не вышло. И сейчас у него такая же стрижка, но это его уже не спасет. Ленусик знает, где самое больное у мужчины место, и бить она умеет – хлестко, точно...

– Не понравится, – с тоской согласился он.

– Вы должны ей доверять.

Парень, кажется, освоился. Ядреныч подал пиво, он взял банку так небрежно, будто перед ним безропотный офицер-ант.

– Я сам знаю, что мне делать, – буркнул Сафрон. – Ты мне лучше скажи: что это за продюсер? Точно голубой?

– Голубее не бывает.

– Что он делать собирается?

– Как что? На сцену выводить ее будет. Песню запишут, видеоклип снимут...

– Какая сцена? Она петь не умеет...

– Почему не умеет? Мы слушали, нормально все. Ну не Селин Дион, конечно, но есть уроки вокала, техническая шлифовка и усиление...

– Чтоб фанера звучала?

– Вот-вот. Брянец сейчас с ней работает...

– А деньги? Он что, за свои работать будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.